

Воробьева Людмила Михайловна*, доктор политических наук ведущий научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ.

Вопросы реформирования ЕС: этапы, проблемы, перспективы

С момента учреждения Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1952 г. проект единой Европы реализуется с опорой на идеи и реформы, которые определяют перспективы европейского строительства и нацелены на устранение кризисов, возникающих под воздействием внутренних и внешних факторов. Кризисы всегда играли и продолжают играть центральную роль в истории и дальнейшем развитии интеграционного проекта ЕС. Если не удавалось окончательно разрешать кризисы, тогда выработывались концепции и технологии, позволяющие снижать остроту их проявления. Практика применения и совершенствования антикризисных мер явилась важным ресурсом, позволившим провести значительные реформы политической системы Евросоюза и обеспечить прирост компетенций и полномочий его институтов. Европейское строительство не стоит на месте: возникают новые вызовы, меняются приоритеты, происходят сдвиги в соотношении сил между участниками интеграционного процесса, и это продолжает оказывать влияние на содержание и темпы реформ ЕС.

Западноевропейская интеграция в контексте замыслов "отцов-основателей" ЕС

Изначально "отцы-основатели" – Жан Монне, Робер Шуман, Шарль де Голль, Конрад Аденауэр – ассоциировали будущую Европу с тремя разными, но взаимосвязанными проектами: в сфере экономики, европейской державной политики (политический союз) и обеспечения безопасности. В процессе их реализации Европа должна была заключить мир сама с собой, завоевать политический престиж и таким образом из неодушевленного объекта и игрального мячика в руках внешних сил снова стать субъектом и действующим лицом на арене мировой истории.

Наибольшие успехи были достигнуты при реализации экономического проекта. В соответствии с Римскими договорами¹, на базе "Европы шести", или "шестёрки" (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург), был создан общий рынок со свободным движением товаров,

* imvorobieva@mail.ru

¹ Согласно Римским договорам, подписанным странами "шестёрки" 25 марта 1957 г., учреждались Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). А в 1967 г. на базе слияния органов Европейского объединения угля и стали, ЕЭС и Евратома было создано Европейское сообщество.

капиталов, услуг и людей, со свободой конкуренции и открытостью для новых членов. Постепенно Европейское сообщество становилось якорем процветания и благосостояния в Западной Европе. Этому, помимо преимуществ сотрудничества внутри "шестёрки", способствовала также американская помощь по плану Маршалла, а также гарантии безопасности со стороны США в рамках НАТО, снимавшие необходимость высоких затрат на оборону, а вместе с ней и актуальность проекта обеспечения европейской безопасности, который был отвергнут Францией².

Кроме отказа от западноевропейской военной интеграции, тормозом формирования политического союза выступали два противоречащих друг другу принципа европейского строительства и создания политических институтов сообщества: наднациональный (или федеральный) и межгосударственного сотрудничества. Степень реализации каждого из этих принципов до сих пор определяется "балансом сил" внутри ЕС.

Первый свой кризис "Европа шести" пережила в период деятельности генерала Ш. де Голля на посту президента Франции (1958–1969 гг.). Он выступил с концепцией "Европы Отецеств", которая вошла в противоречие с реализацией интеграционных идей, заложенных в Римских договорах. Применение этой концепции к сфере западноевропейской интеграции вылилось в акцентирование принципа межгосударственного сотрудничества в противовес надгосударственному принципу, которого на первых порах придерживались ФРГ³ и страны Бенилюкса⁴. Ш. де Голль строил свою западноевропейскую политику таким образом, чтобы ситуация, возникшая с поражением и разделом Германии, не подвергалась принципиальному изменению⁵. Исходя из своего понимания французских национальных интересов, он проводил склонную к пережлёткам политику и использовал право вето для блокирования как углубления (т.е. наднационального интеграционного строительства), так и расширения ЕС (т.е. приёма новых членов). В этой ситуации Бонн занял прагматичную позицию, отдававшую

² Заключённый в 1952 г. договор о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) был одобрен парламентами ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, но отвергнут Национальным собранием Франции из опасения восстановления военного потенциала ФРГ. Тем самым Франция проголосовала и против политического союза. Несмотря на успехи усиливавшегося трансатлантического партнёрства, вопрос о необходимости европейской военной интеграции не был снят окончательно. Западно-европейский союз (ЗЕС), основанный в 1954 г. и превратившийся ввиду отсутствия военной структуры в формальную организацию в тени НАТО, воспринимался многими европейцами как ядро, на базе которого в дальнейшем могли бы быть реализованы идеи несостоявшегося Европейского оборонительного сообщества.

³ В послевоенный период в основе стремления К. Аденауэра к наднациональной Европе лежал мотив бегства немцев от преступлений Третьего рейха и обретения идентичности в рамках западноевропейской интеграции. Однако в этом пункте немцы вступали в известное противоречие со своими соседями, которые не видели причин отказываться от себя как французов, итальянцев, британцев, чтобы создавать наднациональные европейские учреждения. Со временем элиты ФРГ поняли, что немцы могут стать европейцами только как немцы, ибо иного пути в Европу, т.е. без посредничества нации, просто нет.

⁴ Поддержка государствами Бенилюкса строительства наднациональной Европы объяснялась желанием оградить свои политические и экономические интересы от опасности, связанной с доминированием ведущих государств в сообществе.

⁵ Западно-европейская интеграция: политические аспекты. М.: Наука, 1985. С. 54–55.

должное существовавшим в то время реальностям: всё, что ФРГ делает в Европе, зависит в значительной степени от того, что Париж в состоянии делать.

Конечно, позиция Франции в вопросе западноевропейской интеграции не была раз и навсегда определённой. Напротив, она менялась и эволюционировала под влиянием факторов внутривосточного и международного порядка, а также в связи с достаточно сильной тенденцией к компромиссам в сообществе, которая в условиях холодной войны рано или поздно всё же пробивала себе дорогу при всей глубине противоречий между партнёрами.

1970-е и 1980-е гг. были отмечены очередным кризисом западноевропейской интеграции, который получил название "евросклероз" и затронул германо-французские отношения.

Немецкий канцлер В. Брандт (1969–1974 гг.) находил мало точек соприкосновения со своим французским коллегой Ж. Помпиду, несмотря на то что был искренне расположен к Франции. Немец начинал новую восточную политику и наталкивался на недоверие и частично на непонимание и неприятие Парижа. Француз смотрел на Запад и видел в Великобритании, неизменно выказывавшей себя защитницей дегаллевской концепции "Европы Отечества", противовес ФРГ. В 1969 г. Франция сняла вето на допуск Великобритании в ЕС. А в январе 1973 г. Соединённое Королевство вместе с Данией и Ирландией было принято в сообщество. Начиная с 1973 г. в рамках ЕЭС формируется треугольник Лондон – Париж – Бонн в целях совместного поиска решений сложных проблем западноевропейской интеграции, причём Британия придаёт первостепенное значение развитию внутреннего рынка. В 1974 г. был создан не предусмотренный Римскими договорами Европейский совет, ставший высшей политической инстанцией межправительственного сотрудничества и уравновешивающий Европейскую комиссию как наднациональный орган ЕЭС. В том же году был повышен политический статус Европейского парламента путём введения прямых выборов в него, которые Франция блокировала в течение 18 лет⁶.

При канцлере Г. Шмидте (1974–1982 гг.) интеграционные цели по-прежнему оставались на повестке, но квалифицировались как "честолюбивые" и "очень честолюбивые". Новые импульсы получило германо-французское сотрудничество в рамках дуэта Г. Шмидта – В. Ж. д'Эстена. Поскольку период нахождения у власти обоих государственных деятелей совпал с временем нарастания кризисных явлений в мировой экономике, то на Западную Европу они смотрели прежде всего как на инструмент прагматичных решений актуальных проблем, главным образом в экономической политике. Усилия сторон были направлены на создание Европейской валютной системы (ЕВС) с новой валютной единицей – ЭКЮ – в целях стабилизации валютных курсов. Г. Шмидт считал, что дальнейшее развитие интеграции, повышение роли европейских институтов и международное усиление Западной Европы наступят только тогда, когда будет гармонизирована экономическая и валютная политика стран – участниц ЕЭС.

⁶ Прежде Европейский парламент формировался за счёт делегирования депутатов из национальных парламентов. Первые прямые выборы в Европарламент прошли в 1979 г.

В марте 1979 г. ЕВС, которую Г. Шмидт считал высшим приоритетом, была учреждена. Она имела дисциплинирующий и интегрирующий эффект и внесла важный вклад в конвергенцию экономического поведения государств – членов ЕВС.

В период сотрудничества Г. Шмидта и В. Ж. д'Эстена произошло дальнейшее расширение сообщества. При этом решающую роль в приёме проблемных в экономическом отношении государств, какими были и до сих пор остаются Греция, Испания и Португалия, сыграли геополитические и военно-стратегические мотивы. Правительство ФРГ решительно отклонило предлагавшийся другими партнёрами вариант дифференцированного, поэтапного членства этих стран в ЕЭС, аргументируя свою позицию необходимостью демократизации Южной Европы и требованиями европейской военной безопасности.

Несмотря на успешную институализацию ЕВС и расширение сообщества за счёт новых членов, политика обоих партнёров носила в целом среднесрочный характер и концентрировалась на решаемых вопросах. Проблемы, вызывающие споры, выносились, как правило, за скобки. Долгосрочная концептуальная стратегия и видение европейских перспектив отсутствовали.

Гельмут Коль:

"Немецкое и европейское единство –
две стороны одной медали"

Объединение Германии открыло новый этап в строительстве Европы, придав ему революционный характер. Не подтвердились опасения партнёров и союзников ФРГ, что единая Германия пойдёт своим собственным путём, начнёт "сползание к Востоку" или "повернётся спиной к ЕС".

Выступив с концепцией единства европейской интеграции и германского объединительного процесса, канцлер Г. Коль озвучил осознанно принятое решение. Оно базировалось на положениях Основного закона ФРГ⁷ и сорокалетнем пребывании страны в Европейском сообществе, приведшем к пониманию преимуществ членства в нём.

Заявленная Германией верность европейскому проекту ещё не предопределяла неизбежности новых интеграционных инициатив, хотя многие перспективные идеи вошли в теоретическую базу развития ЕС ещё до 1989 г. То, что эти идеи материализовались в качественном рывке, не в последнюю очередь связано с реакцией Франции и Великобритании на объединение Германии и изменившуюся в связи с этим расстановку сил в ЕЭС.

⁷ В преамбуле Основного закона (Конституции) ФРГ (принят 23 мая 1949 г.) сформулирована национальная конституционная цель – "сохранить национальное и государственное единство и в качестве равноправного звена в объединённой Европе служить миру на планете". Кроме того, ст. 24 Основного закона предусматривает возможность передачи суверенных прав межгосударственным образованиям, причём Федеративная Республика может согласиться на ограничение своих суверенных прав, если это служит мирному и стабильному порядку в Европе и мире. См.: *Andersen U., Woyke W. Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1992.*

Реакция ведущих европейских государств была разноплановой. Великобритания усилила национальную доминанту в своей европейской политике. Франция, для которой актуализировался вопрос об укреплении влияния в ЕЭС, сделала акцент на углублении интеграции, с тем чтобы сильнее привязать ФРГ к европейским структурам и иметь возможность сдерживать прирост германского влияния.

8 апреля 1990 г., когда германский объединительный процесс быстро набирал скорость и стал необратимым, президент Франции Ф. Миттеран и канцлер ФРГ Г. Коль выступили инициаторами реформ в европейском строительстве, которые преподносились как своего рода гарантия сохранения привязки немцев к западноевропейской интеграции.

На состоявшемся в Маастрихте (Нидерланды) европейском саммите (декабрь 1991 г.) германо-французский тандем вывел сообщество на новый уровень углублённого интеграционного процесса. С подписанием 7 февраля 1992 г. Маастрихтского договора – документа объёмом 253 страницы – было положено начало наиболее обширной из проводившихся до сих пор реформ. ЕЭС стал фигурировать под названием Европейского союза, так как обрёл роль субъекта качественно новых интеграционных преобразований.

В расчёте на перспективу были провозглашены такие цели ЕС, как содействие гармоничному и длительному экономическому и социальному прогрессу, достижение европейского единства в отношениях с внешним миром, введение союзного гражданства. При проведении реформ Евро-союз должен был считаться со стремлением государств-членов сохранить свою национальную самобытность, а также с уважением относиться к сложившимся государственным системам и традиционным особенностям участников.

Движение к Европейскому союзу планировалось осуществить по четырём главным направлениям, которые предусматривали:

- 1) переход к Европейскому экономическому и валютному союзу (ЕЭВС);
- 2) проведение общей внешней политики и политики безопасности;
- 3) достижение более тесного сотрудничества во внутренней и иммиграционной политике, а также в сфере юстиции;
- 4) расширение прав Европарламента.

Хотя договор и был принят, саммит в Маастрихте выявил серьёзные противоречия внутри сообщества. Например, Великобритания сразу отмежевалась от решений в вопросах вступления в валютный союз и проведения согласованной политики в социальной области. Из-за сопротивления Франции и Великобритании, а также по причине отсутствия согласия среди участников саммита в отношении будущей политической структуры ЕС канцлеру Г. Колю не удалось включить в Маастрихтский договор положение о политическом союзе, который, по его мнению, должен был стать эквивалентом экономического и валютного союза. Отход канцлера от своей прежней позиции немецкий политолог Ф. Солмс квалифицировал как капитуляцию. В то же время он признал, что Г. Коль, по-видимому, не обладал властными рычагами, чтобы использовать отказ от немецкой марки – эмблемы успехов прежней ФРГ – в интересах требуемого им политического единства Европы⁸.

⁸ Jahrbuch für internationale Sicherheitspolitik. Hamburg; Berlin; Bonn: Mittler, 2000. S. 270.

Проблема всё же была в другом: в преждевременности европейского политического единения. Прошедшие с тех пор десятилетия показали, что создание политического союза остаётся по-прежнему вопросом неопределённого будущего: современный ЕС, несмотря на регулярно повторяющиеся оптимистические заявления политиков, так же далёк от политической завершённости, как и в 1991 г.

Зафиксированный в Маастрихтском договоре основной упор на создание Европейского экономического и валютного союза был максимумом возможного не только на тот момент, но и в последующие периоды реформаторской деятельности ЕС. Многие положения Маастрихтского договора в полной мере не реализованы до сих пор. Это относится и к его ядру – ЕЭВС, – которое сжалось до валютного союза, не подкреплённого общей экономической, финансовой, налоговой, социальной политикой и пр.

С тем чтобы обеспечить функционирование валютного союза и стабильный евро в условиях отсутствия единой экономической политики государств-членов, Германия настояла на принятии ряда мер. В их числе: учреждение Пакта стабильности и роста⁹; внесение в Маастрихтский договор оговорки *no bail out*, запрещающей сообществу в целом и его членам нести материальную ответственность за долги других стран; независимый Европейский центральный банк (ЕЦБ), созданный по образцу немецкого Бундесбанка. Однако в условиях институциональной системы ЕС, основанной на принятии консенсусных решений и исключающей возможность ультимативного применения санкций, такие меры и договорённости оказались на деле лишь заявлениями о намерениях¹⁰.

Так, требования Пакта зачастую не соблюдались, предусмотренные штрафные санкции не применялись. Когда же среди нарушителей этого документа оказались ведущие страны ЕС – Германия и Франция, – его требования были вообще смягчены¹¹.

Более того, из стратегических соображений дверь в еврозону была открыта для государств, которые по уровню конкурентоспособности и состоянию финансовой дисциплины не могли в долгосрочной перспективе отвечать критериям Пакта стабильности. Во-первых, этого требовала логика расширения, согласно которой принимавшиеся члены должны были вступить и в валютный союз. Во-вторых, почему-то считалось, что малые страны с проблемными экономиками не могут нанести существенного ущерба валютному союзу¹².

Впоследствии все эти обстоятельства, связанные с асимметричной интеграцией, предопределяют уязвимость валютного союза в период финансового кризиса 2008 г., который перерастёт в кризис еврозоны и государственной задолженности стран-членов.

Решение о создании валютного союза было принято на амстердамском саммите ЕС в мае 1998 г. и совпало с проводившейся в ФРГ кампанией

⁹ Согласно критериям конвергенции, предусмотренным Пактом, госдолг не должен превышать 60 % от ВВП, бюджетный дефицит – 3 % от ВВП, а прирост цен должен быть приближен к 2 %, чтобы не допустить дефляции.

¹⁰ Zimmermann H. Die gnadenlose Euro-Logik // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2012. No. 1. S. 63.

¹¹ Wettach S. Er stellt nur den Totenschein aus // Wirtschaftswoche. 2019. 15 November. No. 48. S. 42–43.

¹² Die Lebenslüge der Europapolitik // Wirtschaftswoche. 2010. No. 19. S. 21.

по выборам в бундестаг. На первых порах проект создания валютного союза не пользовался популярностью среди немцев. Согласно опросам (1998 г.), свыше 60 % немцев связывали свои страхи с ликвидацией марки и введением единой европейской валюты евро.

Основное опасение состояло в том, что валютный союз может потерпеть крах. Однако повлиять на позицию ФРГ в этом вопросе немецкие граждане не могли ни через референдум, поскольку проведение референдумов не предусмотрено Основным законом, ни через голосование на выборах, так как все парламентские партии единым фронтом выступали за евро¹³. При этом депутаты не прислушивались к контрдоводам и предостережениям представителей немецкой экономической науки. Так, 155 немецких учёных-экономистов предложили отложить введение евро, поскольку считали, что условия обеспечения стабильности европейской валюты не будут выполнены. Однако их аргументация была проигнорирована. Те же, кто задавался вопросом, отвечает ли валютный союз немецким интересам, сразу получали ярлык правых экстремистов. Когда крамольные соображения высказал прежний президент ФРГ Р. фон Вайцзеккер, канцлер Г. Коль публично отчитал его, хотя и ему самому не были чужды сомнения в отношении целесообразности быстрого отказа от немецкой марки.

Если на парламентских выборах в 1990 г. Г. Коль одержал победу как канцлер немецкого единства, то 17 сентября 1998 г. он намеревался повторить этот успех в качестве канцлера европейского единства. Один из его лозунгов гласил: "За твёрдый евро! Гельмут Коль". Однако победил социал-демократ Г. Шрёдер, известный в Брюсселе своей фразой о "мучительных преждевременных родах евро". В ходе своей предвыборной кампании Г. Шрёдер отказался от использования антиевропейских настроений среди немецкого населения, поскольку понимал, что, "выступая против Европы, можно, пожалуй, выиграть выборы, но управлять Германией против Европы невозможно". Свою задачу он видел в том, чтобы шансы валютного союза максимизировать, а риски минимизировать. Кроме того, Г. Шрёдер обещал жёстко отстаивать немецкие интересы.

Несмотря на поражение Г. Коля на выборах в собственной стране в год введения евро и последующие кризисные явления в еврозоне, *учреждение единых европейских денег, оспаривающих монополию доллара как мировой валюты, остаётся наиболее мощным рывком ЕС на пути реформ в области экономической интеграции.*

С объединением Германии связан и другой успешный проект ЕС – *расширение в восточном направлении.* Ни в какой другой западноевропейской стране стремление государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) вступить в ЕС не находило так много поддержки, как в Германии, которая добровольно взяла на себя роль адвоката этих стран.

Активность Германии, выступившей, начиная с 1989 г., двигателем расширения ЕС на восток, в известной мере уравновешивалась прагматичным и недоверчивым отношением Франции, которая особенно на первых порах часто проявляла себя как самая значительная тормозящая сила этого процесса.

¹³ На заключительном голосовании в бундестаге 23 апреля 1998 г. только небольшая группа депутатов от Партии демократического социализма (ПДС) и восемь депутатов из других фракций высказались против евро.

Великобритания, напротив, выступила безусловным сторонником расширения Евросоюза. В 1990-е гг. она активно поддерживала инициированную Германией политику продвижения ЕС и НАТО на восток. Без участия Великобритании, как утверждают представители британской стороны, этот процесс не был бы таким успешным и не зашёл бы так далеко. Заинтересованность Лондона в данной стратегии объяснялась тем, что в ней он видел инструмент сдерживания амбициозных европейских проектов, ради которых Великобритания не хотела жертвовать своим суверенитетом.

В позиции Франции немецкие политологи увидели прежде всего реакцию на радикальное повышение веса и влияния Германии в Европе и на обусловленную этой реальностью политику федерального правительства, которая, с точки зрения французов, несёт отчётливую печать немецких интересов¹⁴.

Стержнем интересов ФРГ в ЦВЕ, конечно, является культурно-историческая и цивилизационная связь немцев с этим регионом. Семисотлетние усилия немцев по его освоению воспринимаются сегодня элитами ФРГ как часть культурно-исторического наследия народа, которое важно сохранить.

Значительную роль, бесспорно, играет сильный экономический интерес, носителем которого выступают немецкие деловые круги. Страны ЦВЕ привлекают немецких бизнесменов как рынок и место размещения производства, как фактор повышения конкурентоспособности Германии в силу территориальной близости соседей на востоке, а также благодаря их людскому и культурному потенциалу.

С расширением ЕС в восточном направлении улучшались также геополитические позиции Германии, росли возможности её организующей роли как субъекта европейской интеграции. Благодаря расположению в центре Европы ФРГ в данных условиях видела себя определяющим фактором не только в старом ядре Западной Европы, но и в государствах ЦВЕ, в Прибалтике, на Балканах.

С приёмом в Евросоюз стран ЦВЕ Германия связывала и свои интересы безопасности. Так, с расширением ЕС в восточном направлении Федеративная Республика перемещалась в географический центр сообщества, а новые его члены волей-неволей превращались в своего рода буфер между западноевропейскими государствами и нестабильным Востоком, чтобы сдерживать приток в Германию беженцев, иммигрантов, членов международных преступных группировок и пр.¹⁵

В то же время расширение ЕС выступало ещё и важным фактором примирения немцев со своими восточными соседями, ставшими жертвами агрессивной политики нацистской Германии. Опыт примирения в Западной

¹⁴ *Deubner Ch.* Frankreich in der Osterweiterung der EU, 1989 bis 1997 // Politische Studien. 1999. Januar/Februar. S. 89–121.

¹⁵ В 1993 г. в ФРГ был принят закон о предоставлении иностранным гражданам политического убежища. В соответствии с ним лица, прибывающие в Германию через стабильные третьи страны, не получают права на политическое убежище и должны оставаться в государствах, через территорию которых приехали в ФРГ. Кроме того, планировалось введение визового режима между восточноевропейскими кандидатами на вступление в ЕС и их соседями, не принадлежащими к сообществу.

Европе, например в германо-французских и германо-нидерландских отношениях, планировалось перенести на взаимодействие с Польшей и Чехией.

Канцлер Г. Коль сделал очень много, чтобы достигнутое в рамках ЕС германо-французское примирение было дополнено германо-польским примирением. При нём отношения ФРГ с Польшей, несмотря на присущие им противоречия, стали приобретать привилегированный характер. В течение нескольких лет сопротивление Парижа открытию ЕС для государств ЦВЕ было очень упорным. Президент Франции Ф. Миттеран считал немецкое шефство над своими восточными соседями демагогическим и слишком поспешным.

К 1993 г. немецкой политике удалось снять противодействие Франции. В условиях стремительного распространения немецкого присутствия в ЦВЕ французские политики стали понимать, что Германия способна "зарезервировать" благоприятные экономические шансы только для себя одной, поэтому в вопросе о расширении ЕС Париж начал реализовывать две ролевые функции. С одной стороны, это роль равноправного партнёра Германии, а с другой – роль конкурента немцев. Такой подход проявился не только в отношении стран ЦВЕ, но и в видении политики расширения ЕС в целом. Так, подчёркивая свою полную поддержку вступления в Евросоюз восточноевропейских стран, официальный Париж в то же время стал настойчиво протезировать средиземноморским странам (Кипр, Мальта), а также Болгарии и Румынии¹⁶.

Канцлеру Г. Коль в период нахождения у власти в ФРГ во многом удалось продвинуть процесс расширения ЕС и перевести его в стадию двусторонних переговоров между представителями сообщества и кандидатами из группы десяти государств пятой волны расширения. Однако он не сумел политически объединить Европу. И это стало одним из основных вызовов его преемникам: Г. Шрёдеру (1998–2005 гг.) и А. Меркель (с 2005 г. по настоящее время), а также французским лидерам – Ж. Шираку (1995–2007 гг.), Н. Саркози (2007–2012 гг.), Ф. Олланду (2012–2017 гг.) и Э. Макрону (с 2017 г. по настоящее время).

От мегарасширения к конституционному кризису

Сегодняшние условия вхождения в Европейский союз, или Копенгагенские критерии¹⁷, касаются не только "структурной зрелости" государств-кандидатов, но и способности ЕС принять новых членов так, чтобы это не обернулось ущербом для дееспособности данной организации и не заблокировало её дальнейшее развитие. Это означает, что, даже если кандидаты и будут отвечать требованиям приёма, они всё же могут остаться за

¹⁶ *Deubner Ch.* Frankreich in der Osterweiterung der EU, 1989 bis 1997. S. 105.

¹⁷ Условия приёма в ЕС были в самом общем виде сформулированы на его саммите в Копенгагене (июнь 1993 г.), а затем дополнены и уточнены на саммите в Мадриде (декабрь 1995 г.). В частности, страна-кандидат должна отвечать критериям правового государства, обладать конкурентоспособностью внутри Евросоюза, обеспечивать стабильные экономические и монетарные рамочные условия. См.: Bulletin der Europäischen Union. Beilage 14/97. Luxembourg, 1997.

воротами сообщества, если стратегия его развития придёт в противоречие с процессом расширения. Однако на практике это условие редко принимается во внимание, когда речь идёт о геостратегических интересах.

Т. Блэр был первым европейским политиком, который потребовал осуществить пятое расширение ЕС, или мегарасширение¹⁸, до мая 2004 г. Во время своего председательства в Евросоюзе в первой половине 2005 г. он добился открытия переговоров с Турцией и Хорватией. По мнению британских аналитиков, от этого процесса выигрывают не только новые, но и старые члены, поэтому они рекомендовали вместо попыток политического завершения ЕС популяризировать выгоды расширения.

Евросоюз не был готов к приёму десяти новых членов в силу целого комплекса причин. Они были связаны с острой проблемой финансирования данного процесса¹⁹, с предстоящим привнесением "новыми" в структуру конкуренции таких позиций, как дешевизна рабочей силы и услуг, низкие стандарты социальной защиты. Опасения вызывал и будущий приток мигрантов. В этой ситуации возник пугающий континентальную Европу образ "польского водопроводчика"²⁰.

Однако главная проблема, связанная с расширением, всё же заключалась в институциональной неготовности ЕС к приёму новых членов. Структуры, первоначально созданные для шести стран, не могли сохранить свою дееспособность при двадцати и более государствах-участниках, если не будут реформированы. Однако срочно необходимое приспособление институтов ЕС к изменившимся условиям оказалось непростой задачей.

Немецкие идеологи европейского строительства, чтобы отстоять устраиваемую Германию стратегию, заявляли, что процессы расширения и углубления будут проходить одновременно и это позволит ЕС справиться с последствиями приёма в свой состав сразу десяти новых членов²¹. На практике всё обстояло иначе. Процесс расширения тормозил политические реформы в ЕС и побуждал евростратегов говорить о *Европе разных скоростей*, позволяющей ограниченной группе стран двигаться вперёд по пути реформ, опережая другие.

Чтобы избежать раскола сообщества на группы, президент Франции Ж. Ширак предложил подготовить Европейскую конституцию, которая устанавливала бы для всех стран законодательные скрепы и развивалась бы вместе с ЕС. В феврале 2002 г. по решению сессии Европейского совета в Лаакене был созван Конвент о будущем Европы под председательством прежнего французского президента В. Ж. д'Эстена. Он был уполномочен подготовить Конституцию ЕС (или Конституционный договор) с учётом запланированного приёма в сообщество десяти новых членов.

¹⁸ Мегарасширение распространялось сразу на десять стран: Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Словению, Эстонию, Латвию, Литву, Кипр и Мальту.

¹⁹ Например, по подсчётам Швейцарского банковского общества, приём кандидатов пятой волны расширения ЕС требовал увеличения финансовых средств структурных фондов в 2 раза. См.: *Neue Zürcher Zeitung*. 1996. 2–3 März.

²⁰ Примечательно, что Великобритания эти страхи не разделяла. Более того, после пятой волны расширения ЕС в 2004 г. Соединённое Королевство вместе с Ирландией, в отличие от Франции и Германии, не закрыли свой рынок труда для рабочей силы из новых стран-членов.

²¹ *Kaiser K., Krause J.* Deutschlands neue Außenpolitik: Interessen und Strategien. München: Oldenbourg Verlag, 1996.

Мегарасширение ЕС, состоявшееся 1 мая 2004 г., опередило вступление в силу проекта Конституционного договора. Он был утверждён сессией Европейского совета лишь 17–18 июня 2004 г., причём длительный и сложный процесс ратификации этого документа ещё только предстоял.

Основной акцент в проекте Конституции был сделан на проведении институциональной реформы Евросоюза и адаптации учредительных договоров к требованиям нового этапа европейской интеграции. Высокий приоритет социальной политики остался в основном декларативным: для неё в договоре не было предусмотрено обязательных правовых стандартов. Не был дан ответ и на такие актуальные вопросы, как политическая завершённость и окончательные границы ЕС.

Проект оказался ниже ожиданий убеждённых федералистов, однако, по мнению многих европейцев, зашёл слишком далеко²². В мае и июне 2005 г. он был отклонён на референдумах во Франции и Нидерландах²³, т.е. в государствах, стоявших у истоков ЕС. По оценкам экспертов, если бы референдумы были проведены в Германии или в Великобритании и Дании, они могли бы привести к аналогичному результату.

Фундаментальной причиной отклонения Конституции ЕС во Франции и Нидерландах было недовольство избирателей социально-экономической ситуацией в собственных странах, которая оценивалась в контексте, как считалось, отрицательного влияния на неё процессов, протекающих в ЕС²⁴.

Последовавшая за французским и нидерландским референдумами длительная фаза размышлений европейских элит о будущем институциональном оформлении ЕС, а также усилившаяся критика элитарного проекта "Европа" вошли в непростую историю сообщества как конституционный кризис. Он высветил серьёзность и глубину проблем, переживаемых Евросоюзом.

Эти проблемы обусловлены многими факторами. Среди них – "безграничное" расширение, утрата ЕС прежней гомогенности, неподготовленность структур к росту "европейской семьи", отсутствие согласия в отношении перспектив будущего развития, деструктивное воздействие "национальных эгоизмов" на ход интеграционного процесса, нарастание проблем, связанных с экономической конкурентоспособностью объединения в условиях глобализации. В результате дееспособность и эффективность Евросоюза оказались под угрозой, а доверие к нему граждан заметно упало.

Основное внимание европейских стратегов было сосредоточено главным образом на конституционном кризисе, который одновременно был и кризисом институциональным, поскольку референдумы во Франции и Нидерландах вместе с Конституцией заблокировали и пакет мер по проведению давно назревшей институциональной реформы.

Конституционный кризис формально закончился подписанием вместо Конституционного договора его эрзаца – Лиссабонского договора (декабрь 2007 г.). Последний был ратифицирован в декабре 2009 г., а в полном объёме вступил в силу только в 2014 г.

²² Winkler A. Schluss mit dem Träumen // Die Zeit. 2019. 19 Juni. S. 8.

²³ 29 мая 2005 г. 54,7 % французских избирателей проголосовали против проекта Конституционного договора, а 1 июня 2005 г. о своём неодобрении Конституции заявили 61,6 % голландцев.

²⁴ Schäfer A. Verfassung und Wohlfahrtsstaat: Sozialpolitische Dilemmas europäischen Integration // Internationale Politik und Gesellschaft. 2005. No. 4. S. 120–139.

Об остроте кризиса свидетельствовал тот факт, что базовый договор реформ, содержание которого "могли понять только юристы"²⁵, родился в результате тайных переговоров узкого круга лидеров государств, возглавляемых А. Меркель и Н. Саркози. Канцлер ФРГ и президент Франции хотели спасти все положения отклонённой Конституции, но спасти так, чтобы создавалось впечатление, будто обновлённый документ имеет чисто технический характер и потому нет необходимости выносить его на референдум. И это им удалось. В процессе его согласования использовались уговоры и давление, угрозы и частичное умиротворение в отношении стран, тормозивших принятие документа (Великобритания, Дания, Польша, Чехия), что размывало идеологию и цели договора.

Подготовленный документ был подан общественности как чисто технический и, следовательно, не требующий утверждения на референдуме, поэтому процедура ратификации была поручена парламентам государств-членов. Исключение было сделано для Ирландии, поскольку требование проведения референдумов по важным внешнеполитическим вопросам закреплено в конституции этой страны²⁶.

Что касается Франции, то со времён Ш. де Голля она осознавала себя европейским лидером и её вовсе не прельщала перспектива раствориться в федеральном европейском государстве. Европейская идея не пользовалась безусловной поддержкой рядовых французов. Об этом может свидетельствовать еле достигнутое минимальное большинство на референдуме по Маастрихтскому договору (1992 г.), а также итоги референдума 2005 г. по проекту Европейской конституции. В начале 2008 г. тогдашний президент Пятой республики Н. Саркози и поддерживавшее его большинство в Национальном собрании и сенате проигнорировали отрицательный народный вотум и ратифицировали Лиссабонский договор. По свидетельству очевидцев, этот "некрасивый поступок" французские политики переваривали в молчании или позволяли себе сдержанную брань. После этой травмы Франция проявляла сдержанность в дискуссии по Европе. Позитивная и страстная риторика в поддержку Европы впредь стала считаться табу.

По всему было видно, что Евросоюз натолкнулся на пределы своего интеграционного развития: концептуальные, институциональные, психологические. Нечестный трюк с отказом от референдумов не прибавил доверия граждан к институтам ЕС, испытывающим дефицит легитимности и демократической подотчётности, и дал дополнительные козыри в руки евроскептиков, особенно в Великобритании. Примечательно, что Лиссабонский договор, в отличие от прежних европейских договоров (Римских, Маастрихтского, Ниццкого), не содержит чёткого посыла, предусматривающего дальнейшее развитие Евросоюза.

В то же время Лиссабонский договор²⁷ стал средством преодоления институционального кризиса, вызванного провалом проекта Европейской

²⁵ Winter M. Ein letzter Versuch // Süddeutsche Zeitung. 2007. 20 Juni. S. 6.

²⁶ Ирландцы одобрили Лиссабонский договор только со второй попытки, т.е. в ходе второго референдума, который был проведён в условиях сильного пропагандистского давления со стороны Брюсселя.

²⁷ В англоязычной версии Лиссабонский договор включает 175 страниц текста, 86 страниц протоколов, 25 страниц приложений, в которых заново пронумерованы статьи действующих договоров, а также 26 страниц заключительных актов, где представлены

конституции и значительным увеличением количества членов сообщества. Частично он усиливал расширенный ЕС (благодаря учреждению внешнеполитической службы и фактическому введению поста министра иностранных дел, или Высокого представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности), частично рационализировал его (путём предусмотренного сокращения числа членов Комиссии), а также в известной степени увеличивал власть центральных институтов Евросоюза (через квалифицированное большинство при голосовании)²⁸. Лиссабонский договор вводил дополнительные сдержки и противовесы, включая возможность для национальных парламентов блокировать прохождение закона ЕС, если он нарушает принцип subsidiarity. Впервые в истории объединения новый договор предусматривал возможность добровольного выхода из его состава (ст. 35).

Хотя Лиссабонский договор создал предпосылки для преодоления институционального кризиса ЕС, много проблем, требующих решения, всё же осталось на повестке дня.

На изломах расширения

На географической карте сегодняшний Европейский союз очень впечатляет своими размерами. Он раскинулся на огромной территории – от Атлантики до Карпат, от Северного моря до Средиземного и от Балтики до Чёрного моря. Он вышел к границам Псковской области, а Калининградская область стала его анклавом.

Как правило, цель расширения обосновывается необходимостью распространить зону стабильности и демократии на непосредственно прилегающие к зоне ЕС регионы. О стратегическом подтексте такой политики идеологи европейского строительства предпочитают не говорить.

Совершенно очевидно, что путём расширения реализуются именно геостратегические цели. Так, мегарасширение 2004 г., приём Болгарии и Румынии в 2007 г. и Хорватии в 2013 г. основательно изменили политико-стратегическую ситуацию в Европе. В ЕС были включены области, столетиями являвшиеся той промежуточной территорией, которая служила великим державам местом стратегического развёртывания и сосредоточения вооружённых сил, была поводом для крупных конфликтов и войн.

Благодаря расширению сформировалось стратегическое пространство ЕС, совпадающее со стратегическим пространством НАТО. Сегодня на этих территориях вблизи государственных границ России полным ходом идёт развёртывание военных структур альянса.

---

65 сепаратных оговорок стран, занявших особую позицию. Так, в Заявлении № 52 16 из 27 членов ЕС объявили себя сторонниками флага, гимна, девиза ("В многообразии едины") и Дня Европы, назначенного на 9 мая (Франции среди этих стран не оказалось). Им противостоят 11 государств-пессимистов, делающих акцент на межгосударственном сотрудничестве и национальных интересах, а не на наднациональном углублении ЕС. См.: *Bolesch C.* In Lissabon hat sich Europa nicht neu erfunden, aber immerhin hat man neue Kompromisse entdeckt // *Süddeutsche Zeitung*. 2007. 20–21 Oktober. S. 2.

²⁸ В чувствительных областях, таких как внешняя политика и политика безопасности, налоговая и социальная политика, заключение новых европейских договоров, действует принцип единогласия.

Евросоюз до сих пор не определил окончательных границ своего разрастания. Европейская перспектива, по мнению его сторонников, открыта для Балканских государств, а также для Украины, Молдавии и демократической Белоруссии²⁹.

Такая стратегия имеет конфликтный характер, поскольку ЕС не считает нужным принимать во внимание интересы России и противостоит усилиям нашей страны по консолидации постсоветского пространства в рамках создания Евразийского экономического союза. С точки зрения немецких евростратегов³⁰, те, кто отнимает у Украины и других европейских государств перспективу стать членом ЕС, должен подготовиться к восстановлению "Великой России" со всеми вытекающими отсюда геостратегическими последствиями, поэтому процесс поэтапного расширения ЕС на целый континент, исключая Россию, считается неизбежным³¹.

В Брюсселе и Берлине "европейскому выбору" Украины придаётся особое значение: он должен потянуть за собой в западном направлении колеблющиеся правительства Армении, Азербайджана, Молдавии и Белоруссии и приблизить перспективу окончательного прощения России с "неоимперскими мечтами". Вследствие этого, когда бывший украинский президент В. Янукович отошёл от западного сценария и отказался подписать договор об ассоциации Украины и ЕС, это решение было воспринято в Евросоюзе как "унизительный провал", "тяжёлое поражение", "промах". Брюссель всё-таки добился заключения 27 июня 2014 г. соглашения об ассоциации с Украиной, Грузией и Молдавией. Однако к этой цели он пришёл через безусловную поддержку украинского Евромайдана и последовавшего за ним государственного переворота. Эта авантюра привела к отпадению Крыма от Украины, войне в Донбассе, дестабилизации ситуации на Украине, серьёзному осложнению взаимоотношений между ЕС и Россией. В то же время Евросоюзу пришлось столкнуться с пределами своего безграничного расширения, что стало сильным потрясением для Запада, вызвало всплеск яростной русофобии и нагнетание истерии по поводу "российской угрозы"³².

Об опасениях Евросоюза заявил, в частности, обозреватель еженедельника *Die Zeit* Йорг Лау. По его мнению, на Западе и в Германии все прекрасно понимают, что Крым потерян не только для Украины, но и как потенциальная база НАТО. Сейчас, считает Й. Лау, необходимо сдержать русский экспансионистский порыв, который может дестабилизировать не только Украину, но, возможно, вскоре ещё Грузию, Прибалтийские страны и Молдавию – весь европейский послевоенный порядок³³.

²⁹ Ehrhart H.-G. Russlands unkonventioneller Krieg in der Ukraine: Zum Wandel kollektiver Gewalt // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2014. 17. November. No. 47–48. S. 26–32.

³⁰ Приводится точка зрения Д. фон Киавы, постоянного представителя Германии в ЕС в 1993–1999 гг.

³¹ Von Kyaw D. Der Fisch stinkt vom Kopfe her. Und vom Kern: Wege aus der Krise der Europäischen Union // *Internationale Politik*. 2005. September. S. 995.

³² Bläser W. Zum Russlandbild in den deutschen Medien // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2014. 17 November. No. 47–48. S. 48–53; *From cold war to hot war* // *The Economist*. 2015. 14 February. P. 11–14.

³³ Lau J., Heuser U.J. Helfen Sanktionen gegen Russland? Ja: Wirtschaftlicher Druck ist die einzige Alternative zur Militarisierung der ukrainischen Krise // *Die Zeit*. 2014. 20 März. S. 1.

Независимый американский журналист Уильям Пфафф взглянул на сложившуюся ситуацию иначе. По его мнению, в случае с Украиной, Грузией и другими кавказскими государствами политика расширения ЕС и НАТО нацелена на инкорпорацию территорий, которые исторически являются составной частью Советского Союза и Российской империи, и потому, по сути, речь идёт о расчленении исторической российской территории³⁴.

Как полагают эксперты, кризис на Украине – это одно из проявлений имеющихся противоречий между Западом и Россией и катализатор разворачивающегося активного противостояния сторон. Однако в процессе расширения противоречия накопились и в самом ЕС, поставив его перед лицом кризисов.

Благодаря своему расширению Евросоюз приобрёл большой геополитический вес, и это можно считать одним из факторов, позволяющих ему претендовать на роль глобального игрока. Однако это достижение перечёркивается тем, что в результате того же расширения он стал более тяжеловесным, более сложным, более противоречивым. Прошли те времена, когда ЕС можно было представить монолитным блоком. Сегодня истинное лицо Европы, сформированное расширением, – это культурное, историческое, экономическое и политическое разнообразие.

Если изобразить ЕС в виде поезда, то он всё больше растягивается в длину: впереди – головная группа стран-учредителей, которая задаёт темп движению, затем следует основная группа государств, вступивших в ЕС в 1970–1990-х гг., которая постоянно снижает свой темп, и, наконец, группа членов последних волн расширения с тенденцией возрастания отставания. На фоне кризисов, регулярно сотрясающих ЕС, будь то кризис еврозоны, мощный наплыв мигрантов или Брекзит, не раз возникала серьёзная опасность, что поезд под названием "Европа" распадётся на отдельные вагоны или даже может полностью сойти с рельсов.

На фоне роста национального самосознания европейских народов и усиления влияния правопопулистских партий всё заметнее становится внутреннее напряжение между национальными интересами членов ЕС и принятием решений, требующих европейской солидарности, будь то иммиграционная политика, защита климата или отстаивание норм правового государства путём введения санкций против их нарушителей (Венгрия, Польша).

В этих условиях всё труднее осуществлять стратегию углубления, предусматривающую движение к наднациональному европейскому единству. Конфликт стратегий расширения и углубления приводит к тому, что многие статьи Маастрихтского договора, считавшегося прорывом в развитии ЕС, не выполняются. Народное хозяйство сообщества, подчинённое единой экономической политике, так и не сложилось. Отсутствуют единая внешняя политика, единые представления о политической завершённости Евросоюза и путях преодоления кризисов. Евро, задуманный как интегрирующий фактор, сегодня раскалывает ЕС. Кризисы еврозоны и государственной задолженности проложили конфликтные линии в валютном

³⁴ Pfaff W. Ukraine – der amerikanische Krieg // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2014. No. 9.

союзе между успешными и проблемными странами, между кредиторами и должниками, севером и югом ЕС.

Пока очередной кризис не наступил, европейские стратеги редко считаются с действительным положением вещей и их решения могут опережать возможности Евросоюза. Несмотря на то что не удалось в полной мере интегрировать Болгарию, Румынию и Хорватию в европейский порядок, ЕС продолжает стратегию расширения. С одной стороны, интеграция вширь всё дальше отделяет Евросоюз от трансформации в субъекта державной политики, каким он мыслился отцами-основателями, но, с другой – позволяет удерживать в своей орбите стратегически важные государства.

В декабре 2019 г. президент Франции Э. Макрон, поддержанный премьер-министром Нидерландов, заблокировал начало переговоров о вступлении Албании и Северной Македонии в ЕС и тем самым открыто пошёл наперекор позиции Берлина и Брюсселя. Французский лидер считает реформы, проведённые в Албании и Северной Македонии, недостаточными и увязал своё одобрение начала переговоров с этими странами с фундаментальной реформой процесса приёма новых членов. По его мнению, сегодня этот процесс носит технический характер и плохо обеспечивает противодействие негативным тенденциям в проблемных странах³⁵. Этот шаг он объяснил императивом политического углубления Евросоюза и необходимостью пересмотреть критерии приёма кандидатов в новых условиях.

Позиция Э. Макрона натолкнулась на непонимание Берлина, которому было важно дать Балканским государствам чёткий политический сигнал, чтобы удержать их в сфере геополитического притяжения ЕС в условиях, когда решение вопроса о приёме этих стран в Евросоюз может затянуться на многие годы. В то же время правительство ФРГ заявило о своей готовности поддержать предложение французского президента о реформе процесса приёма новых членов в Евросоюз.

Вопросы дифференциации в европейском строительстве

Два конкурирующих принципа, заложенных в основу европейского строительства (наднациональный и межгосударственного сотрудничества), адекватно отражают реальности интеграционного процесса, а именно: очевидный конфликт между сторонниками развития ЕС в формате межправительственного сотрудничества и теми, кто ратует за реализацию наднационального интеграционного проекта. Этот конфликт имеет давнюю историю и далёк от своего разрешения.

Между тем во второе десятилетие XXI в. Европейский союз входит с грузом проблем, нерешённость которых выступает источником его кризисного состояния. Перед лицом вызовов разного рода (например, государственной задолженности, иммиграционного, популистского, климатического, связанного с Брекзитом и пр.) ЕС нередко занимает выжидательную позицию, что ведёт к "затишью" в его реформировании. Дело

³⁵ Kolb M. Pariser Bremsmanöver // Süddeutsche Zeitung. 2019. 16 Oktober. S. 6.

в том, что проведение реформ фундаментального характера требует изменения действующих договоров Евросоюза, а это считается трудноразрешимой задачей из-за несовпадения интересов государств-членов и разного видения ими содержания и перспектив европейского строительства. Евростратеги всё же нашли выход из этого положения в *дифференцированной интеграции*³⁶, которая предполагает становление Европы "разных скоростей".

В соответствии с данной стратегией группа стран, желающих в определённых областях интеграции быстрее двигаться вперёд, может договориться о более глубокой кооперации. В результате застой в европейском строительстве может быть преодолен, не потребовав пересмотра договоров. Сторонники Европы "разных скоростей" видят в дифференциации предпосылку для оптимизации способности политической системы ЕС к своевременному решению возникающих проблем и большему учёту национальных интересов государств-членов.

Дифференциация выступает в двух формах: внутренней и внешней. О внутренней речь идёт тогда, когда ряд стран в рамках существующей институциональной системы не участвует в углублённом интеграционном проекте в силу своей неготовности или нежелания. Так, в валютный союз входят 19 из 27 членов ЕС. Британцы, например, использовали возможности внутренней дифференциации для закрепления за собой особого статуса. Великобритания не вступала в еврозону и очень часто задействовала так называемые *opt-outs* (исключения из общих правил), чтобы не участвовать в не устраивающих её реформах Евросоюза. Британские особые права возникали всегда по одной и той же технологии: Лондон в обмен на отказ от применения своего права вето при голосовании по какой-либо реформе ЕС получал право на *opt-out*. Со времён Маастрихта с каждым европейским договором росло число британских *opt-outs*. Благодаря своему подтверждаемому и расширяемому особому статусу Великобритания ещё до Брексита стояла одной ногой вне Евросоюза³⁷.

Когда же группа государств создаёт новые интеграционные образования вне существующей институциональной системы Европейского союза, тогда речь идёт о дифференциации внешней. Так, в Шенгенских соглашениях наравне с 22 членами ЕС участвуют также государства, не входящие в него (например, Швейцария, Исландия и Норвегия)³⁸.

Актуальность принципа дифференциации для ЕС обуславливается следующими факторами.

Во-первых, дифференциация превратилась в постоянный структурный элемент всех областей развития Евросоюза, хотя ранее она воспринималась как исключение из правила. С принятием Маастрихтского договора быстро растёт её значение внутри договорной системы ЕС, а вместе с этим и для поступательного развития интеграции в целом.

³⁶ Deubner Ch. Differenzierte Integration: Übergangerscheinung oder Strukturmerkmal der künftigen Europäischen Union? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2003. Bd. 1–2. S. 25.

³⁷ Krätke M.R. Brexit: Raus aus dem "EU-Gefängnis" // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2016. No. 4. S. 17–20.

³⁸ Brummer K. Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten. Mitgliedstaaten zweiter Klasse? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2017. No. 37. 11 September. S. 23–27.

Во-вторых, с расширением Европейского союза усиливаются различия между его членами, в том числе в плане интеграционной готовности, что побуждает страны, работающие на опережение, применять принцип дифференцированной интеграции.

В-третьих, с помощью дифференциации поддерживается баланс между европейским единством и национальными различиями.

В то же время *дифференциация имеет и негативный побочный эффект*, поскольку она раскалывает единство интеграционного процесса и институтов, углубляет и закрепляет определённые коалиции в Европейском совете. Кроме того, вступая в конкуренцию с ЕС в сферах его непосредственной деятельности, дифференцированная интеграция может представлять угрозу для длительной консолидации Евросоюза и его будущей интеграционной способности.

Эксперты не сходятся в оценках баланса преимуществ и недостатков данной стратегии. Сторонники указывают на то, что благодаря ей удалось обеспечить важные успехи наднационального европейского строительства. Противники констатируют, что дифференцированная интеграция находится в противоречии с федералистским идеалом "всё более тесного союза", который зафиксирован в ст. 1 Договора о ЕС. В ходе развития интеграции вширь и вглубь это противоречие только усиливается, а мечта о политическом союзе всё чаще воспринимается как труднореализуемая³⁹.

Среди разработчиков и адептов дифференцированной интеграции можно назвать ведущих политиков и государственных деятелей Германии и Франции. Например, немцы В. Шойбле и К. Ламерс, предвосхищая расширение ЕС на восток, выступили с концепцией о "европейском ядре"⁴⁰. Согласно этой концепции, прежде чем дифференциация повлияет на институциональное строение ЕС, должна сформироваться европейская идентичность. В её основе лежит чёткое осознание не только того, где Европа кончается, но и где она начинается. С точки зрения авторов концепции, начало Европы связано с консолидированной группой стран из числа основательниц ЕС (прежде всего имеются в виду Франция и Германия).

В 2000 г. концепция В. Шойбле и К. Ламерса нашла поддержку Парижа в ходе интенсивных германо-французских консультаций. Президент Франции Ж. Ширак, считавший, что с расширением нельзя забегать вперёд, поддержал мысль немецких евростратегов о пионерской группе, состоящей из нескольких государств-членов, объединившихся вокруг Германии и Франции⁴¹.

Й. Фишер, будучи министром иностранных дел ФРГ, высказался в пользу создания гравитационного центра Евросоюза с собственной конституцией, институтом президента, избираемого прямым голосованием, правительством, сильным парламентом. Такой гравитационный центр,

³⁹ *Biegon D.* Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten. Wer kann, geht voran // *Aus Politik und Zeitgeschichte.* 2017. No. 37. 11 September. S. 18–22.

⁴⁰ *Überlegungen zur europäischen Politik.* Positionspapier der CDU/CSU – Bundestagsfraktion vom 1. September 1994 // *Blätter für deutsche und internationale Politik.* 1994. No. 10. S. 1271–1280.

⁴¹ *Rede des französischen Staatspräsidenten Jacques Chirac vor dem Deutschen Bundestag am 27. Juni 2000 "Die Erweiterung darf keine Flucht nach vorne sein"* // *Blätter für deutsche und internationale Politik.* 2000. No. 8. S. 1017–1021.

охватывающий все элементы будущей интеграции, мыслился как локомотив для достижения политической завершенности ЕС в будущем⁴².

С формированием еврозоны "твёрдое ядро" ЕС стало ассоциироваться с валютным союзом. Об этом в совместном интервью журналу *Der Spiegel* заявили бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт и прежний президент Франции В. Ж. д'Эстен⁴³. В 2012 г. на фоне кризиса еврозоны В. Шойбле дополнил свою концепцию о "европейском ядре" предложением выделить в Европейском парламенте корпус депутатов из стран валютного союза и сформировать на этой основе "твёрдое парламентское ядро", способное принимать решения. Заявления о придании еврозоне большего веса внутри ЕС делали также французские президенты Н. Саркози и Ф. Олланд.

Действующий президент Пятой республики Э. Макрон в своей сорбоннской речи (сентябрь 2017 г.) выступил с предложением ввести для валютного союза особый бюджет, назначить отдельного министра финансов и избрать отдельный парламент. Ратуя за политическое укрепление еврозоны, он не отклонился от подхода вышеназванных немецких евростратегов и прежних французских президентов. По сути, он предложил сделать новый шаг к Европе "разных скоростей", сужающий границы для реформируемой Европы.

В Германии вопрос о Европе "разных скоростей" является дискуссионным. Главный контрдовод оппонентов этой идеи состоит в том, что раскол ЕС на еврозону и рыхлый периферийный остаток не отвечает немецким интересам и экономическому здравому смыслу. Ведь в это "европейское ядро" не войдут успешные и конкурентоспособные государства, с которыми Германия поддерживает тесные и взаимовыгодные связи: Великобритания (до Брексита), Дания, Швеция, Польша, Чехия, Венгрия. Напротив, в валютном союзе будут доминировать проблемные страны (Греция, Италия, Испания, Португалия, та же Франция), не выполняющие критериев Пакта стабильности. Германскую сторону не прельщает перспектива "запереться" с ними в еврозоне и вместе с финнами и голландцами оказаться в меньшинстве среди менее солидных партнёров.

Особое неприятие эта идея вызывает в восточноевропейских странах, т.е. у представителей "новой Европы", поскольку в их понимании "разноскоростной подход" подрывает равенство прав и компетенций всех государств – участников европейской интеграции и узаконивает распад ЕС на центр

⁴² *Fischer J.* Vom Staatenverbund zur Föderation-Gedanken über die Finalität der europäischen Integration. Rede am 12. Mai 2000 in der Humboldt-Universität in Berlin // *Blätter für deutsche und internationale Politik.* 2000. No. 6. S. 752–762.

⁴³ В интервью журналу *Der Spiegel* В. Ж. д'Эстен заявил, что европейцы смогут образовать Соединённые Штаты Европы, но только в тесном кругу, а не в большом союзе, который слишком тяжеловесен и потому бессилён. Д'Эстен развивал эту мысль следующим образом: "Сейчас уже есть Европа интеграции, которая более или менее быстро продвигается вперёд. Это – еврогруппа. К еврогруппе может присоединиться каждый член ЕС, обладающий волей к интеграции. При этом никакого давления на страны периферии ЕС не должно быть. Если Англия, Дания или Швеция не захотят присоединиться к еврозоне, это их дело. И здесь нет никакого конфликтного потенциала. Напротив, Евросоюз сможет довольно беспрепятственно расширяться, принять Турцию или Украину, если его ядро – еврозона – останется незатронутым. Ведь Канада и Мексика не входят в Соединённые Штаты Америки". См.: *Spiegel-Gespräch. "17 waren viel zu viel"* // *Der Spiegel.* 2012. No. 37. S. 108.

и периферию, на Европу первой, второй и, может быть, даже третьей категории.

Перед вступлением в Евросоюз в восточноевропейских странах не было широкой публичной дискуссии о перспективах интеграционного процесса. Акцент делался прежде всего на преимуществах и недостатках членства в нём. В то же время в своём видении завершенности ЕС "новые" отдают предпочтение межгосударственному сотрудничеству и "Европе национальных государств". Они отклоняют идею дальнейшего углубления и усиления ЕС, потому что это предполагает деление его членов на авангард и аутсайдеров. Эти страны опасаются и брюссельской бюрократии, которая будет определять их политику, так же как, по их мнению, это прежде делала Москва.

Позиция восточноевропейских государств решительно поддерживается Берлином. С времён Г. Коля и по сей день заинтересованность немецкой стороны в интеграционной привязке стран ЦВЕ к Евросоюзу сохраняет свою актуальность и определяет политику Германии внутри ЕС.

В условиях современных вызовов единству ЕС (рост национализма, подъём правопопулистского движения, Брекзит, претензии Франции на политическое лидерство в Европе при президенте Э. Макроне и пр.) Берлин придаёт важное значение сохранению статус-кво, сложившемуся в результате успешного расширения на восток, и предотвращению сброса ЦВЕ на периферию Евросоюза в соответствии с концепциями "разноскоростной" Европы. В противном случае произойдёт усиление центробежных тенденций в важном для немцев регионе и Германия столкнётся с риском утраты достигнутого в процессе "возвращения государств ЦВЕ в Европу". Из-под контроля может выйти и общая ситуация в Евросоюзе. На это ещё в 1990-е гг. обращал внимание Г. Коль. Он прямо говорил, что Германия нарушит стабильность "европейского корабля", если отвернётся от своих восточных соседей, в частности от Вышеградской группы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия)⁴⁴.

В стремлении сохранить статус-кво Берлин ставит пределы реализации европейского проекта в варианте, озвученном Э. Макроном. Представления французского президента о Европе "разных скоростей" считаются недопустимыми "даже как игра воображения". С точки зрения Германии, ставка Э. Макрона на формирование твёрдого "европейского ядра" на базе еврозоны приведёт к выталкиванию государств ЦВЕ на периферию, усилит их дрейф в сторону конкурентов Берлина – США, Китая, России⁴⁵ – и взорвёт сложившееся в результате расширения ЕС европейское стратегическое пространство. Кроме того, претворение в жизнь такого сценария снизит вес Германии в Евросоюзе и облегчит для Франции борьбу за политическое лидерство с опорой на южноевропейские страны. С этим правительство ФРГ не может согласиться, исходя из коренных немецких интересов.

На конференции французских послов 29 августа 2018 г. министр иностранных дел Франции Ж.-И. Ле Дриан отметил, что Париж невысокого мнения о членах ЕС из Восточной и Юго-Восточной Европы, которые не

⁴⁴ Germany's troubled relations with the Visegrad states show the limits to its power // The Economist. 2018. 16 June. P. 23–24.

⁴⁵ Orban's unwitting ally // The Economist. 2018. 7 April. P. 25.

хотят выполнять в сообществе свои обязанности и только "заинтересованы в распределении денег". Выступая с такими заявлениями, французы остаются в публичной политике Евросоюза до сих пор в одиночестве.

На конференции немецких послов в Берлине, которая также состоялась 29 августа 2018 г., министр иностранных дел Х. Маас подчеркнул, что по важным вопросам, касающимся, например, правовой государственности, не должно быть никаких скидок. Затем он честно добавил, что считает контрпродуктивным, если Германия начнёт выступать в роли "учителя гимназии с поднятым вверх указательным пальцем".

В отличие от Э. Макрона, который резко критикует венгерского премьера В. Орбана за отступления от демократических норм, Берлин проявляет в таких вопросах сдержанность и передаёт критический диалог с Варшавой и Будапештом в исключительное ведение Европарламента и либеральных СМИ⁴⁶. К тому же федеральное правительство не хочет навредить процветающей торговле, поскольку для немецкой стороны на карту поставлено гораздо больше, чем для французов. Торговля между Германией и Польшей вышла в 2017 г. на рекордный уровень – 110 млрд евро. Товарооборот между Францией и Польшей, составляющий 19,6 млрд евро, даже не достиг $\frac{1}{3}$ от этой суммы. Аналогичным образом обстоит дело с другими участниками ЕС, которые не проявляют большого уважения к правовому государству. В 2017 г. торговый оборот между Германией и Венгрией составил 51 млрд евро, а между Францией и Венгрией – 7,3 млрд евро. В германо-румынской торговле в 2017 г. зафиксирован показатель на уровне 30 млрд евро, а Париж с Бухарестом добились значительно меньшего результата – только 7,8 млрд евро. В непубличной части конференции послов Х. Маас обязал немецких дипломатов проводить единую линию в отношении всех стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: соединять, соединять и вновь соединять обе части ЕС⁴⁷.

Этот курс был заявлен канцлером А. Меркель незадолго до подписания Лиссабонского договора⁴⁸ (октябрь 2007 г.). Выступая перед депутатами Европарламента, она посоветовала любой ценой избегать развития событий по сценарию "разноскоростной" Европы и вспомнила африканскую поговорку: "Тот, кто хочет идти быстро, пусть идёт один. Но тот, кто хочет идти далеко, достигнет этого только с другими". Хотя Польша, как и Великобритания, Чехия, Нидерланды, выступала тормозом на переговорах по согласованию Лиссабонского договора, А. Меркель подчеркнула, что для ЕС Польша важна так же, как и Франция⁴⁹. На этих позициях Германия стоит и сегодня⁵⁰.

⁴⁶ Kolb M. Juncker ermahnt Rumänien // Süddeutsche Zeitung. 2018–2019. 31 Dezember – 1 Januar. S. 9.

⁴⁷ Hassel F. Unser Partner zur Rechten // Süddeutsche Zeitung. 2018. 17 September. S. 7.

⁴⁸ Согласно Лиссабонскому договору, создание авангардной группы стран, стремящихся к более углублённой интеграции или усиленному сотрудничеству в какой-либо сфере, допускается только тогда, когда авангардную группу образуют не менее девяти государств-членов (ст. 10, ч. 2).

⁴⁹ Merkel warnt vor neuen Gräbern in Europa // Süddeutsche Zeitung. 2007. 28 Juni. S. 1.

⁵⁰ Brössler D. Die deutsche Verantwortung // Süddeutsche Zeitung. 2019. 31 August – 1 September. S. 4.

Дискуссия о будущем ЕС

Расширение "разрыхлило" сообщество не только в политическом смысле, но и концептуально. Прогноз дальнейшего развития Евросоюза осложняется тем обстоятельством, что участники интеграционного процесса по-разному представляют его будущее и в соответствии с собственным видением формируют свою позицию. Одни говорят о становлении государства с тенденцией его превращения в сверхдержаву; другие полагают, что ЕС как глобальный игрок на международной арене не состоится и всё закончится формированием обширной зоны свободной торговли; третьи убеждены, что он останется просто союзом национальных государств с рыночной экономикой.

В этой ситуации евростратеги не оставляют попыток путём инициирования дискуссий о будущем ЕС открыть новые горизонты для европейского интеграционного проекта. Так, председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер (2014–2019 гг.) представил 1 марта 2017 г. "Белую книгу о будущем Европы". Произошло это незадолго до шестидесятилетия Римских договоров (25 марта 2017 г.).

С точки зрения экспертов, оригинальность "Белой книги" состоит в том, что после краткого обозначения действенных факторов, которые в дальнейшем будут влиять на ЕС, в ней даны "пять сценариев для Европы в 2025 г." без обозначения Еврокомиссией собственных предпочтений. Тем самым "Белая книга" сообщает импульс процессу, в рамках которого Европа сама решает, по какому пути она пойдёт в будущем. Не подвергается пересмотру уравнивание ЕС и Европы, а также подход, согласно которому все 27 государств-членов двигаются вперёд вместе как союз. Также не отрицается, что имеют место "многочисленные пересечения между отдельными сценариями", которые не являются ни исчерпывающими, ни взаимоисключающими.

Сценарий 1 "Дальше – как прежде" предполагает, что ЕС концентрируется на реализации своей сегодняшней повестки реформ. Согласно решению саммита ЕС в Братиславе (сентябрь 2016 г.), важное место в этой повестке занимают вопросы внутренней и внешней безопасности.

Сценарий 2 "Главная задача – внутренний рынок" отстаёт от достигнутого уровня интеграции в ЕС и не даёт импульсов для амбициозного целеполагания в отношении будущего.

Сценарий 3 "Кто хочет больше, делает больше" реанимирует модель Европы "разных скоростей". В качестве возможных областей деятельности авангардной группы государств-членов названы оборона, внутренняя безопасность, налоговая и социальная политика. Сценарий 3 тяготеет также к широко дискутировавшейся в последние годы модели гибкой интеграции.

Сценарий 4 "Меньше, но эффективнее" чётко фиксирует деятельность Евросоюза на таких направлениях, как инновации, торговля, миграция, защита границ, безопасность и оборона.

Сценарий 5 "Гораздо больше совместных действий" означает, что государства-члены готовы "во всех областях в большей степени делиться властными полномочиями и ресурсами и совместно принимать решения".

Этот сценарий считается самым честолюбивым по сравнению с прочими и знаменует "общий рывок вперёд", о котором идёт речь в "Белой книге".

То, что пять сценариев трудно чётко разграничить между собой, является предметом частых критических замечаний экспертов и политиков. Не внесла ясность в этот вопрос и попытка Ж.-К. Юнкера заявить о собственных предпочтениях, т.е. о личном, *шестом, сценарии*, который представляет комбинацию из сценариев 3, 4 и/или 5 "Белой книги". А так как преследовалась цель "задействовать до сих пор не использованный потенциал Лиссабонского договора", то в конечном счёте оказался востребованным также сценарий 1. Но это, с точки зрения экспертов, не прояснило общую картину⁵¹.

В Предисловии к "Белой книге" Ж.-К. Юнкер объявил об открытии широкой дискуссии по пяти сценариям, которая должна охватить весь континент, включая Европейский парламент, национальные парламенты, регионы и коммуны и всё гражданское общество. На уровне институтов ЕС, а также в государствах-членах прошли дискуссии, гражданские диалоги и консультации по актуальным проблемам европейского развития, которые привлекли внимание десятков миллионов граждан.

Например, из организованного в ФРГ гражданского диалога федеральное правительство вынесло убеждение, что немцы хотят видеть Европу в качестве сильного игрока на международной арене, чтобы она обеспечивала безопасность и защищала и чтобы внутренний рынок и евро были оплотом благосостояния граждан. По сути, в этих пожеланиях определены направления деятельности ЕС, развитие которых не отвечает ожиданиям немцев.

В целом по ЕС к разряду тормозящих моментов европейского строительства были отнесены отсутствие у рядовых граждан чёткого видения перспектив и дефицит сильных политиков, способных эффективно руководить интеграционными процессами.

Германская или французская Европа?

Европа была и остаётся полем конкуренции Франции и Германии за политическое лидерство. Сегодняшняя Европа, возникшая после Второй мировой войны, должна была примирить немцев и французов в процессе совместного участия в продвижении мирного европейского объединения. С послевоенным германо-французским примирением в рамках европейской интеграции исчезла возможность военных столкновений, но это не сделало безоблачными взаимоотношения двух ведущих держав Европейского континента.

Сложился германо-французский тандем, который принято считать мотором европейской интеграции, но не прекращается идейное противоборство сторон в сфере стратегии и тактики европейского строительства. Перспективы и конкретное содержание проектов, задуманных отцами-основателями ЕС, Берлин и Париж нередко видят по-разному, исходя из национальных интересов своих государств. По сути, конкурируют две

⁵¹ Müller-Branddeck-Bocquet G. Zukunftsdebatten in der EU // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. 21 Januar. S. 19–25.

модели – германская и французская, которые отражают несходство политических систем и культур этих стран, особенности менталитета немцев и французов, разное экономическое, валютно-политическое и оборонное мышление.

Франция – централизованное государство. Германия организована по федеративному принципу. В Германии сложившиеся правила являются зачастую решающей основой политики, во Франции большую роль играет политическое визионерство. Французский президент выбирается народом в ходе прямых выборов, и это делает его очень сильным. Немецкий канцлер, избираемый парламентом, также обладает большими полномочиями, но должен считаться с партнёром по коалиции и большинством в бундестаге⁵².

Франция делает главный упор на централизованное государственное регулирование и протекционизм. Ей свойственно также спокойное отношение к инфляции как одному из способов борьбы с безработицей. Германия, напротив, больше доверяет децентрализованной рыночной конкуренции. Обогащённая опытом "немецкого экономического чуда" 1950–1960-х гг., ФРГ давно отдала предпочтение рыночным механизмам, конкуренции и соблюдению ответственности за собственные дела.

Французская традиция достижения экономического роста предполагает более сильный крен в пользу государственных расходов (ставка на государственные инвестиционные программы), что нередко ведёт к увеличению бюджетного дефицита. Немецкое правительство, напротив, относится отрицательно к поощрению экономического роста за счёт новых долгов. С точки зрения Берлина, рост возможен только через структурные реформы и благодаря большей экономической и инновационной гибкости, а не через новые государственные расходы и рост задолженности, которые в конечном счёте приведут к инфляции.

Франция выступает за прагматичную политику Европейского центрального банка (ЕЦБ), т.е. более мягкую валютную политику в целях улучшения показателей экономического роста и занятости. Образцом для неё служит Федеральный резервный банк США, который принимает решения с учётом колебаний экономической конъюнктуры и интересов американского экспорта. Германия усматривает во французской позиции стремление ограничить независимость ЕЦБ, зафиксированную в его Уставе, и отстаивает строго деполитизированную денежную политику. В соответствии с германским подходом ЕЦБ должен преследовать только одну цель – стабильность евро и цен, т.е. европейская валюта должна быть так же свободна от политики, как в своё время была свободна от политически мотивированных влияний немецкая марка.

Несовпадение подходов наблюдается и в сфере оборонной политики. Если немцы, связанные в вопросе военных акций за рубежом решениями бундестага, делают упор на расширение возможностей дипломатии, то французы отдают предпочтение наращиванию военной мощи и активности. В то время как Париж настаивает на отмене любых ограничений на продажу оружия, Берлин лавирует между интересами национальной оборонной промышленности и моральными табу, обусловленными нацистским периодом немецкой истории.

⁵² В. Le Maire: "Das ist keine Transferunion" // Der Spiegel. 2018. 16 Juni. No. 25. S. 72.

Указанные различия в мышлении сохраняются. По этой причине взаимодействие между Германией и Францией отмечено борьбой идей⁵³.

Положительная динамика в развитии германо-французской кооперации и в европейском строительстве нередко определялась личными отношениями немецкого канцлера и французского президента при условии чёткого распределения ролей между стороной "ведущей" и "ведомой". До объединения Германии все немецкие канцлеры, от К. Аденауэра до Г. Коля, признавали политическое лидерство Франции. По этой причине европейская интеграция, скрепляющая германо-французский союз, во многом несла печать представлений и интересов Парижа, который мог ускорить или затормозить ход европейского строительства.

С достижением немецкого единства ФРГ быстро трансформировала свою экономическую мощь в политическое лидерство, что давало повод международным экспертам говорить о Германии как поднимающемся гегемоне Евросоюза. В этой ситуации Берлин и Париж поменялись ролями. Теперь немецкий канцлер стал определять перспективы и "красные линии" в европейском строительстве.

При канцлере А. Меркель такому положению вещей вынужденно подчинились французские президенты в лице консерватора Н. Саркози, а затем и социалиста Ф. Олланда. С аналогичной ситуацией столкнулся и неоллиберал Э. Макрон, решивший предстать реформатором Евросоюза "на французский лад". Во время президентской кампании 2017 г. он выступил с обещаниями предотвратить превращение ЕС в "немецкую вотчину" и вернуть Франции роль европейского лидера.

Э. Макрон на волне побед на парламентских и президентских выборах (апрель – май 2017 г.) ворвался на французскую и европейскую политическую сцену как революционер и визионер. Он обещал вдохнуть во Францию самоуверенность, вернуть ей национальную гордость и одновременно сделать свою страну зачинателем и идеологом нового этапа в европейской интеграции. В соответствии с таким замыслом Э. Макрон стремился позиционировать себя лидером ответа ЕС на вызовы XXI в., своего рода *Chef d'Equipe* (глава команды управленцев) континента.

26 сентября 2017 г. в университете в Сорбонне французский президент заявил о необходимости принципиального реформирования ЕС. Не вдаваясь в детали, он сделал смелый набросок реформ Евросоюза, ядром которых являются предложения в области экономики и финансов.

На финансово-экономическом направлении французское видение будущего ЕС предполагает трансформацию валютного союза в "настоящий экономический союз" на принципах солидарности, чтобы стимулировать экономический рост, снять диспропорции в развитии стран еврозоны, сблизить социальные стандарты и предотвратить новый кризис. Конкретно речь идёт о четырёх проектах в контексте реализации концепции "разноскоростной" Европы, ибо реформы распространяются только на 19 стран – членов еврозоны, а не на все 27 государств ЕС.

Э. Макрон предложил гармонизировать налогообложение, ввести общее страхование банковских вкладов ("банковский союз"), расширить компетенции Европейского стабилизационного механизма (ESM), или так

⁵³ Issing O. Saat für zukünftige Konflikte // Wirtschaftswoche. 2018. 16 Februar. No. 8. S. 23.

называемого фонда спасения. А в качестве заключительного шага он потребовал установить особый бюджет для еврозоны с учреждением поста министра финансов и парламента.

Своими проектами Э. Макрон внёс разлад в германо-французские отношения⁵⁴. На предложения французского президента немецкий канцлер долго не отвечала, поскольку сочла их лишь темами для дискуссии.

Позиция А. Меркель имеет объяснение с точки зрения политических и экономических интересов Германии, тесно связанных с эволюционным развитием европейской интеграции в контексте современных вызовов. Конкретно на отношении немецкого канцлера к новациям французского коллеги повлияли следующие обстоятельства.

Во-первых, сторонники Э. Макрона в Германии, на которых он изначально рассчитывал, не представляют весь немецкий политический класс. Различны и исходные позиции французского и немецкого правительств. Если Э. Макрон был избран президентом, чтобы изменить Европу в соответствии с интересами страны, то канцлер А. Меркель не имеет такого мандата. Напротив, в немецком бундестаге представлено гораздо больше, чем когда-либо прежде, депутатов с пессимистическими взглядами на перспективы ЕС. А. Меркель выразила настроения потенциальных оппонентов Э. Макрона, заявив, что избрание во Франции нового президента ещё не повод менять европейскую стратегию ФРГ.

Во-вторых, подход А. Меркель определял и личный момент. Она не хотела войти в историю как канцлер, при котором произошла дезинтеграция Евросоюза или были заложены основы его заката. В предложениях же Э. Макрона содержался, с точки зрения Берлина, "политический динамит" для Европы и "семена будущих конфликтов". С одной стороны, эти предложения волюнтаристски отсекали от процесса "европейской трансформации" страны, не входящие в еврозону, и тем самым раскалывали ЕС, а с другой – усиливали напряжённость между благополучными государствами севера и проблемным югом еврозоны. В ведомстве федерального канцлера идеи Э. Макрона были восприняты как вызов статус-кво, аккумулировавшему все прежние успехи европейской интеграции. В новациях французского лидера виделись источник будущих конфликтов и предпосылка усиления центробежных тенденций в Евросоюзе.

О возможности таких сценариев говорит нагромождение дезинтегрирующих факторов в ЕС после финансового кризиса 2008 г., таких как Брекзит, рост правопопулистского движения, а также усиление многовекторности в политике государств-членов как результат проекции на Евросоюз конкурентной борьбы между США и Китаем.

В-третьих, сильным сдерживающим фактором для Германии стал вопрос о финансировании проектов Э. Макрона. Дело в том, что инициатором

⁵⁴ Журнал Der Spiegel отмечал рост раздражения на немецкой стороне. Как заявил один немецкий дипломат, "Макрон ошибается, считая, что все должны плясать под его дудку только потому, что он несколько месяцев назад произнёс речь и с тех пор повторяет её положения". В таком же ключе выступил и представитель из окружения А. Меркель, заявивший, что международное сообщество думает иначе, чем Франция. Отсюда вывод: только потому, что Э. Макрон что-то сказал, немцы не должны спешить это сразу выполнять; Берлин не позволит свести себя к роли исполнителя требований Макрона. См.: Gebauer M., Heyer J.A., Müller P. Zunehmend gereizt // Der Spiegel. 2018. 16 Juni. No. 25. S. 34.

реформ выступил представитель проблемной страны с высокой государственной и корпоративной задолженностью. Это не могло не насторожить стабильные государства, в первую очередь Германию. Они подозревали, и не без основания, что "обновление" ЕС в соответствии с французским видением будет происходить за их счёт. Э. Макрон даже не пытался рассеять эти подозрения.

По мысли французского президента, ЕС следовало переустроить таким образом, чтобы он вытянул из сложной ситуации слабые в народно-хозяйственном отношении страны, главным образом южноевропейские, и помог преобразовать Францию. То есть предлагалось пойти по пути финансово-экономической и социальной конвергенции в еврозоне за счёт перераспределения средств из благополучных северных стран в отстающие. Таким образом, речь шла о нововведении, которое немецкая сторона отвергает как "трансфертный союз", поскольку в его рамках размывается ответственность стран-членов за состояние своей экономики в расчёте на помощь из кассы Евросоюза. Своё предложение Э. Макрон мотивировал тем, что страны еврозоны, оказавшиеся в кризисной ситуации, больше не обладают таким важным рычагом выправления своего экономического положения, как девальвация национальной валюты.

В-четвёртых, немецкую сторону не устраивало содержащееся в проектах Э. Макрона размывание оговорки *no bail out* Маастрихтского договора, запрещающей Европейскому сообществу в целом или отдельным его членам нести финансовую ответственность за государственные долги других стран.

ФРГ ещё при канцлере Г. Шрёдере отказалась от введённой Г. Колем практики немецкой "чековой книжки" при решении проблем европейского строительства. Э. Макрон, представляющий нестабильный в экономическом отношении юг ЕС, хотел бы востребовать "чековую книжку" Берлина и других стран экономически благополучного севера. "Я желал бы, – говорил он, – чтобы мы вернулись к духу кооперации, который царил когда-то между Франсуа Миттераном и Гельмутом Колем"⁵⁵. Однако такое желание не вписывается в политику "жёсткой экономии" и "долгового тормоза", которую Германия на базе Фискального пакта (2012 г.) навязала проблемным странам. Предложения же французского президента нацелены на то, чтобы в рамках еврозоны отказаться от такой практики и совместно нести риски, затрагивающие отдельные страны.

Вслед за Ф. Олландом Э. Макрон выступает за "солидарную интеграцию Европы" и общую ответственность (прежде всего финансовую). А. Меркель видит в такой позиции игнорирование принципов свободного рынка и конкуренции, на которых построен "европейский дом"⁵⁶. Берлин настаивает на контроле и индивидуальной ответственности каждой страны и склонен к проведению изменений в еврозоне только при жёстком

⁵⁵ Metz J. Wohlwollende Skepsis // Das Parlament. 2017. 26 Juni. No. 26. S. 4.

⁵⁶ Согласно опросу немецких экономистов, проведённому Федеральным союзом немецких управленцев совместно с журналом *Wirtschaftswoche*, при 8 % затруднившихся с ответом 7 % опрошенных разделяют идеи Э. Макрона, 16 % их отвергают, 69 % считают, что правительство ФРГ должно противопоставить французскому президенту собственную концепцию с более сильным акцентом на рыночном хозяйстве и конкуренции. См.: *Die Freiheit nehm ich dir* // *Wirtschaftswoche*. 2018. 16 Februar. No. 8. S. 22.

условии: общее страхование рисков возможно только после стабилизации государственных бюджетов и банковских балансов в странах-членах⁵⁷.

В-пятых, в Берлине понимают, что стремление Э. Макрона реализовать свои планы с опорой на германо-французский тандем не отвечает переменам, произошедшим в ЕС на фоне дезинтеграционных процессов и роста правопопулистского движения. Немецкие эксперты отмечают, что национальные элиты начали испытывать сильное недоверие не только к Брюсселю, но и к германо-французскому альянсу. Они перестали послушно штамповать спускаемые им из Берлина и Парижа решения. И такие тенденции немецкое правительство не могло не учитывать. Его беспокоит и то, что ставка Э. Макрона на ось Берлин – Париж несёт риск формирования блоков внутри ЕС за счёт стран, относящихся критически не только к Брюсселю, но и к учреждению "германо-французской директории".

В условиях иммиграционного кризиса особенно наглядно это продемонстрировали государства Вышеградской группы, занявшие независимую позицию в отношении приёма мигрантов с Ближнего Востока.

Примером может также служить "Новая ганзейская лига", или "Группа восьми" (Нидерланды, Эстония, Латвия, Литва, Швеция, Финляндия, Дания, Ирландия), сформировавшаяся весной 2018 г. в ответ на изменение расклада сил в ЕС после Брексита и связанное с ним усиление рисков германо-французского доминирования. Возглавляемая Нидерландами, она в специально подготовленном документе (6 марта 2018 г.) дала Парижу и Берлину чётко понять, что интересы северных стран отличаются от таковых Германии и Франции и они, в частности, отклоняют "мечтания" под лозунгами "больше Европы" и отвергают не предусмотренную в договорах ЕС институализацию "трансфертного союза" по перекачке финансовых средств с севера еврозоны на её кризисный юг, включая Францию.

Э. Макрон столкнулся с критикой как в ЕС, так и за его пределами, когда при торжественном подписании Ахенского договора (в начале 2019 г.) заявил, что Германия и Франция должны углублять своё сотрудничество и "указывать путь"⁵⁸. Э. Макрон хотел бы действовать в традициях "золотого времени" европейского интеграционного процесса, совпавшего с председательством Ж. Делора в Еврокомиссии (1985–1995 гг.).

В тот период Ж. Делор вместе с Ф. Миттераном и Г. Колем способствовали развитию внутреннего рынка ЕС и заложили основы валютного и экономического союза. В связи с этим, когда Э. Макрон говорит о Европе, он имеет в виду прежде всего Францию и Германию. Поскольку со времён Ф. Миттерана и Г. Коля отношения в тандеме изменились, французский лидер готов искать сторонников и среди других членов ЕС, как в своё время это делал Ф. Олланд.

⁵⁷ The growing strains between Angela Merkel and Emmanuel Macron // The Economist. 2018. 24 May. P. 29.

⁵⁸ Свои тревоги высказал тогдашний президент Европейского совета Д. Туск. По его мнению, с тех пор как Э. Макрон стал президентом Франции, многие в Европе испытывают опасения, что он станет продвигать ЕС в маленьком эксклюзивном кругу стран, а другие члены сообщества будут исключены. Американский президент Д. Трамп, присутствовавший на церемонии подписания Ахенского договора, обращаясь к Э. Макрону и А. Меркель, подчеркнул, что Европе нужен чёткий сигнал из Парижа и Берлина: кооперация в малых форматах не является альтернативой для сотрудничества всех стран в Европе. См.: Krupa M. Er macht sich zu viele Feinde // Die Zeit. 2019. 2 Mai. S. 2.

Неудачи Э. Макрона с реализацией "революционного" пакета реформ не в последнюю очередь связаны и с *его собственными просчётами*.

Завышенными оказались надежды на Германию⁵⁹, побудившие французского президента увязать "трансформацию" Франции и еврозоны. Он не получил быстрого и заинтересованного ответа из Берлина, который, как выяснилось, и не собирался оплачивать экономическое оздоровление Пятой республики из кармана немецких налогоплательщиков и создавать себе политического конкурента.

В стремлении жёстко реформировать "неподатливую" Францию, чтобы на равных разговаривать с Берлином и Брюсселем, Э. Макрон пренебрёг действительной расстановкой сил в стране. Её восприятие искажается мажоритарной системой выборов, в то время как на деле баланс политических сил больше отвечает реальностям парламентской, а не президентской республики. Это обстоятельство ограничило легитимность политики социального демонтажа, предпринятого французским президентом. Проведённые наспех непопулярные внутренние реформы не принесли гражданам обещанных благ, но стали причиной падения рейтинга президента среди населения, вызвали к жизни протестное движение "жёлтых жилетов", усилили правопопулистскую партию М. Ле Пен⁶⁰ и в результате подорвали престиж французского президента как реформатора. Несмотря на неиссякаемый запас идей и пафосные речи, свобода манёвра Э. Макрона как реформатора Франции и ЕС резко сузилась. В Брюсселе он многих задел за живое, когда объявил, что хочет переоформить партийно-политические союзы в Европарламенте.

Важным фактором, осложнившим для президента Франции его роль "носителя надежд", явилось безусловное экономическое превосходство Германии. Оно не позволило Э. Макрону говорить с А. Меркель на равных, пусть даже и в "позднюю осень" её политической карьеры. Таким образом, французскому лидеру осталась лишь одна возможность – реализовать свои реформы только в том объёме и таком темпе, как это сочтёт целесообразным Германия, которая, будучи главным выгодоприобретателем европейской интеграции и валютного союза, не сталкивается, в отличие от других стран, с серьёзными проблемами, побуждающими к ускорению интеграционных шагов.

Сегодня отношения в тандеме Берлин – Париж вызывают обоснованную озабоченность сторонников европейской интеграции. Множатся случаи

⁵⁹ Безусловно, сказался такой фактор, как изменившееся соотношение сил в бундестаге по итогам выборов 2017 г.: в парламент вернулся "мягкий евроскептик" – СвДП, и впервые обрели депутатский мандат "жёсткие евроскептики" – "Альтернатива для Германии". Неблагоприятным обстоятельством стал и уход из политики бывшего министра финансов и министра иностранных дел З. Габриэля, а также прежнего президента Европарламента и кандидата на пост канцлера от СДПГ М. Шульца. Оба представляли наиболее влиятельных сторонников Э. Макрона в социал-демократическом окружении А. Меркель, и французский президент рассчитывал на их поддержку.

⁶⁰ Согласно опросам за декабрь 2019 г., в первом туре президентских выборов, если бы они состоялись в конце 2019 г., Э. Макрон и М. Ле Пен получили бы по 29 % голосов, а во втором туре за М. Ле Пен проголосовали бы 45 % избирателей. Хотя президентские выборы состоятся весной 2022 г., ещё никогда в опросах общественного мнения правые популисты не были так близки к высшему посту в Пятой республике. См.: *Joeres A. Sie muss nur stillhalten // Die Zeit. 2019. 18 Dezember. S. 5.*

сепаратных шагов, предпринимаемых как Берлином, так и Парижем без учёта интересов партнёра.

Хотя стороны так и не согласовали общий взгляд на развитие Европы, однако Германия не может говорить "нет" на всё, что исходит от французского партнёра. А. Меркель пошла на *ряд важных уступок Парижу*. Она согласилась с учреждением особого бюджета для еврозоны, хотя и в скромном варианте (во Франции считают, что это только начало). Несмотря на сомнения в отношении целесообразности создания рядом с ЕС (Постоянное структурированное сотрудничество – PESCO) и НАТО третьей формы военного взаимодействия, Берлин присоединился к проекту Э. Макрона "Европейская интервенционная инициатива" (E12) (Э. Макрон хочет сплотить под руководством Франции своего рода "коалицию желающих", чтобы в будущем реагировать на кризисы и конфликты, в частности, в Африке⁶¹). Кроме того, было принято совместное решение о создании многомиллиардного фонда по вооружениям. Подписан Ахенский договор о германо-французской дружбе⁶², который, несмотря на расплывчатость формулировок, чествовался на официальном уровне как краеугольный камень сотрудничества между странами.

Поскольку уступки сделаны на уровне тандема, то по ним предстоит общеевропейская дискуссия. Она, скорее всего, развернётся при обсуждении и принятии нового бюджета ЕС, а также при согласовании задач и перспектив оборонной политики Евросоюза в условиях современных вызовов безопасности.

Оба партнёра по-прежнему образуют ядро ЕС, которое в результате кризиса в германо-французских отношениях стало менее твёрдым, но остаётся востребованным как важное условие европейского строительства. К тому же существует достаточно проблем, требующих германо-французской кооперации. К ним, в частности, относятся: формирование европейской политики безопасности и обороны, сотрудничество в области создания передовых систем вооружений, борьба с международным терроризмом, защита внешних границ ЕС, внутренняя безопасность, безопасность внутреннего цифрового рынка, противодействие политической экспансии правых популистов, выбор оптимальной стратегии в условиях разворачивающейся борьбы за глобальное лидерство между США и Китаем.

* *
*

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок заключительного раздела данной статьи – "Германская или французская Европа?", – важно подчеркнуть, что в рамках предложенной дилеммы он, конечно, не решается. Ответ на него содержится в замысле отцов-основателей ЕС.

Будущая интегрированная Европа, какой она виделась Ж. Монне, К. Аденауэру и другим политикам, должна была представлять собой не столько альянс европейских государств, сколько систему коллективной

⁶¹ *Gebauer M., Heyer J.A., Müller P. Zunehmend gereizt. S. 34.*

⁶² Примечательно, что с инициативой новой редакции Елисейского договора первым выступил Н. Саркози. В 2013 г. её поддержал Ф. Олланд и добился начала переговоров по этому вопросу. В 2017 г. Э. Макрон озвучил эту идею в своей сорбоннской речи.

безопасности, в рамках которой взаимно погашаются амбиции государств Старого Света и уравниваются их потенциалы. Как отмечал итальянский профессор политологии Джузеппе Сакко, речь шла о том, чтобы две европейские общественные системы, Францию и Германию, защитить от исторически обусловленных опасностей – националистического милитаризма в Германии и якобинского бонапартизма во Франции⁶³. Таким образом, необходимой считалась европейская привязка не только Германии, но и Франции.

Понятие "германская Европа" давно вошло в политический обиход ЕС. Сегодня оно ассоциируется с принципами европейской политики ФРГ. К ним обычно относятся такие, как уважение к правилам, зафиксированным в европейских договорах (например, нормы Пакта стабильности, оговорка *no bail out*), независимый контроль над экономикой государств-членов, независимый Европейский центральный банк.

К "германской Европе" причисляют себя северные страны, в частности члены "Новой ганзейской лиги". Они испытывают страх перед возможностью "сомнительных новаций" германо-французских компромиссов "в угоду амбициям южных государств". Такие подозрения подпитываются положениями коалиционного договора ХДС/ХСС и СДПГ по вопросам европейской политики, которые воспринимаются как эхо реформистских планов Э. Макрона⁶⁴. Поскольку А Меркель является противницей "трансфертного союза", северные страны понимают, что она не пойдёт на большие уступки французскому президенту, однако не исключают возможности малых уступок, которые связываются со значительными последствиями для европейского проекта и стабильности евро. Примечательно, что именно "ганзейские" страны встали на защиту чистоты принципов "германской Европы", заняв жёсткую позицию в отношении реформ Э. Макрона.

Хотя Германия считается экономическим гегемоном Евросоюза, всё же говорить о "германской Европе" было бы сильным преувеличением. И это связано не столько с отдельными уступками Берлина реформистскому натиску французского лидера, сколько с современными вызовами валютному союзу, которые, с точки зрения других членов ЕС, опровергают универсальность немецких рецептов, в частности, для обременённых государственной задолженностью южноевропейских стран.

После финансового кризиса 2008 г. Европейский центральный банк, возглавлявшийся итальянцем М. Драги, отказался от практики обеспечения стабильности денег и экономической эффективности, зарекомендовавшей себя в ФРГ. С тех пор усиление политических мотивов в его деятельности стало обычным явлением как средство стабилизации ситуации в валютном союзе и спасения евро. ЕЦБ при одобрении многих государств-членов, включая Францию, перешёл к нетрадиционным инструментам

⁶³ Sacco G. Rückbesinnung auf den Ursprung der europäischen Integration // Europa-Archiv. 1991. Folge 15–16. S. 461–469.

⁶⁴ В политике на европейском направлении коалиционный договор предусматривает: "В тесном партнёрстве с Францией еврозона должна быть в расчёте на длительный срок усилена и реформирована средствами экономической стабилизации и социальной конвергенции, через учреждение инвестиционного бюджета для еврозоны и своего рода европейского валютного фонда; Германия готова к более высоким взносам в бюджет ЕС". См.: Die Freiheit nehm ich dir. S. 20.

денежно-кредитной политики – покупке на финансовом рынке государственных и корпоративных ценных бумаг и установлению нулевой процентной ставки, чтобы, по мнению М. Драги, стимулировать европейскую экономику и снять риски для стран-должников, прежде всего в Южной Европе.

В ФРГ регулярно публикуются статьи с критикой политики М. Драги и его преемницы на посту председателя ЕЦБ француженки К. Лагард, которая намеревается продолжить курс своего предшественника⁶⁵. Немецкие эксперты предсказывают, что "финансовая карусель", запущенная М. Драги, чрезвычайно рискованна. Она игнорирует европейское право, снижает стимул к реформам в проблемных странах, поощряет краткосрочное мышление, беспринципность, популизм и закладывает основу для нового финансового кризиса⁶⁶. В то же время они опасаются, что с назначением К. Лагард еврозона в течение неопределённого периода будет функционировать в интересах проблемных государств Южной Европы, а политика бюджетной дисциплины немцев станет рассматриваться как устаревшая модель.

Во всяком случае, Э. Макрон считает, что норма в 3 %, установленная Маастрихтским договором в качестве максимума для бюджетных дефицитов государств еврозоны, является реликтом из "прошлого века". В этом вопросе французский президент рассчитывает на поддержку председателя Еврокомиссии У. фон дер Ляйен, которая заявила о своём намерении сделать Пакт стабильности более гибким. "Макрон выдаёт только свидетельство о смерти. От правил Маастрихтского договора мало что осталось" – так прокомментировал журнал немецких деловых кругов *Wirtschaftswoche* складывающуюся ситуацию⁶⁷.

Сегодня те, кто стоит за "европейскую Германию", сводят её, по сути, к французской версии Европы, т.е. реализации проекта реформ Э. Макрона. Представители немецких еврофильских кругов считают этого политика, с его "яростной самоуверенностью" и "риторической харизмой", полезным человеком для Европы⁶⁸.

В целом же взгляд на Э. Макрона довольно противоречив. Одни вспоминают, что в 2005 г. на референдуме во Франции он проголосовал за Европейскую конституцию, в то время как большинство французов отклонили этот проект. Затем, включившись в политическую деятельность, открыл для себя тему "Европа" и сделал её интересной. Свою критику Европы Э. Макрон увязал с объяснением в любви и, несмотря на неудачи, ни на йоту не упал духом⁶⁹.

Другие обращают внимание на то, у президента Франции умозрительное отношение к Европе, поскольку именно Э. Макрон, европеец, до сих

⁶⁵ Balzli B. Der Nullzins sprengt die Gesellschaft // *Wirtschaftswoche*. 2019. 19 Juli. No. 30. S. 3; Beise M. Warnschuss // *Süddeutsche Zeitung*. 2019. 31 Juli. S. 4; Die Italienerin // *Wirtschaftswoche*. 2019. 19 Juli. No. 30. S. 3; Janisch W. Griff nach der Seifenblase // *Süddeutsche Zeitung*. 2019. 1 August. S. 6.

⁶⁶ Bartz T., Hesse M., Reiermann Ch. Im Taubenschlag // *Der Spiegel*. 2019. 27 Juli. No. 31. S. 48–51; Taghizadegan R. Im Nebel der Sinnleere // *Wirtschaftswoche*. 2019. 31 Oktober. No. 46. S. 42.

⁶⁷ Wettach S. Er stellt nur den Totenschein aus. S. 42–43.

⁶⁸ Kornelius St. Typisch europäisch // *Süddeutsche Zeitung*. 2018. 19 Juni. S. 4.

⁶⁹ Raether E. Er macht Europa interessant // *Die Zeit*. 2019. 2 Mai. S. 2.

пор проявил мало чутья в отношении ЕС. Несмотря на проевропейскую риторику, он выступает настойчивым защитником национальных интересов⁷⁰. Чтобы заострить свой политический профиль, Э. Макрон готов разделить Евросоюз на разные классы и идёт по пути той же конфронтации, с которой он первоначально имел успех во Франции. Он разделяет Европу на два лагеря. С одной стороны – либералы, с другой – националисты. "Если г-н Макрон хочет быть предводителем одного лагеря, он не может быть одновременно предводителем всей Европы", – считает демохристианский политик Норберт Рёттген⁷¹.

После Второй мировой войны немецкий писатель Томас Манн отвергал восстановление "германской Европы", ассоциируя её с гегемонией немцев, и отдавал предпочтение "европейской Германии", т.е. примату европейских интересов в её политике. Это пожелание не менее актуально и для Пятой республики, поскольку типичное для ЕС противоречие между европейскими и национально-государственными интересами стран-членов пронизывает насквозь германо-французский тандем, ослабляя его функцию локомотива европейской интеграции.

Прежний канцлер Г. Коль, наблюдая за европейской политикой своей преемницы, с сожалением констатировал: "Меркель разрушает мою Европу"⁷². В Брюсселе канцлер воспринимается как "тормоз интеграции". В то же время для многих немцев представляются вызывающими заявления Э. Макрона, что он не признаёт никаких "красных линий" и табу и хочет заново воссоздать Европу.

В результате не решается принципиальная проблема валютного союза – разное понимание южными и северными странами правильной экономической политики. Северные страны, во главе с Германией, настаивают на мерах экономии, южные, во главе с Францией, отдают предпочтение инвестициям за счёт их финансирования в долг. Стабильность еврозоны требует снятия этого противоречия.

Немецкие эксперты констатируют, что европейские государства готовы к реформам, только когда оказываются перед лицом кризисов. Тем не менее высказывается надежда, что необходимые реформы в целях стабилизации еврозоны будут проведены до наступления кризиса⁷³.

Многое зависит от сближения позиций Берлина и Парижа с учётом новых обстоятельств функционирования тандема, связанных с Брекситом, ростом правопопулистского движения, вызовами глобализации, разворачивающейся борьбой США и Китая за глобальное лидерство. В этой ситуации особую актуальность приобретает замысел французских и немецких основателей ЕС, требующий взаимного погашения амбиций Берлина

⁷⁰ Например, чтобы защитить французских занятых от нежелательной конкуренции из Восточной Европы, Э. Макрон добился ужесточения директивы ЕС о командировании работников на территорию другой страны Евросоюза. Заявления французского президента о том, что он борется против демпинговых зарплат, были восприняты в восточноевропейских государствах ЕС как неуклюжая попытка подогнать европейский внутренний рынок под интересы Франции, т.е. как "неопротекционизм". Это стало уроком для многих и, конечно, не сплотило ЕС.

⁷¹ *Krupa M.* Er macht sich zu viele Feinde. S. 2.

⁷² *Guérot U.* Macron en marche: Tauziehen um Europa // *Blätter für deutsche und internationale Politik.* 2018. No. 4. S. 5–6.

⁷³ *Mühlauer A.* Zu klein gedacht // *Süddeutsche Zeitung.* 2019. 15–16 Juni. S. 4.

и Парижа через стремление к "европейской Германии" и "европейской Франции". Частично это уже удавалось в "золотые годы" взаимодействия Г. Коля и Ф. Миттерана при проведении глубоких реформ ЕС. В противном случае расхождение между изначально смелым европейским проектом и робкими, семенящими шагами к его осуществлению будет по-прежнему определять лицо современной Европы со всеми вытекающими отсюда последствиями для её безопасности и международно-политического статуса.

Ключевые слова: *Европейский союз – Германия – Франция – Э. Макрон – А. Меркель – Маастрихтский договор – Лиссабонский договор.*

Keywords: *the European Union – Germany – France – E. Macron – A. Merkel – the Maastricht Treaty – the Lisbon Treaty.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бажан А.И.* Нестандартная монетарная политика Европейского центрального банка // Современная Европа. 2019. Июль – август. № 4. С. 27–36.
2. *Воробьёва Л.М.* Евросоюз: от кризиса к кризису // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1 (6). С. 7–25.
3. *Воробьёва Л.М., Савушкин С.В.* Евросоюз на перекрёстке внутренних и внешних вызовов // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 5 (50). С. 13–53.
4. *Дрожжина Е.В.* "Приметы времени": Опыт изучения Франции // Современная Европа. 2019. Июль – август. № 4. С. 202–203.
5. ЕС: испытание кризисом // Проблемы национальной стратегии / Г.Г. Тищенко, Л.М. Воробьёва, В.А. Калинин. 2015. № 5 (32). С. 9–44.
6. *Andersen U., Woyke W.* Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1992.
7. *Balzi B.* Der Nullzins sprengt die Gesellschaft // Wirtschaftswoche. 2019. 19 Juli. No. 30.
8. *Beise M.* Warnschuss // Süddeutsche Zeitung. 2019. 31 Juli.
9. *Biegon D.* Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten. Wer kann, geht voran // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2017. No. 37. 11 September. S. 18–22.
10. *Bläser W.* Zum Russlandbild in den deutschen Medien // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2014. 17 November. No. 47–48. S. 48–53.
11. *Bolesch C.* In Lissabon hat sich Europa nicht neu erfunden, aber immerhin hat man neue Kompromisse entdeckt // Süddeutsche Zeitung. 2007. 20–21 Oktober.
12. *Brössler D.* Die deutsche Verantwortung // Süddeutsche Zeitung. 2019. 31 August – 1 September.
13. *Brummer K.* Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten. Mitgliedstaaten zweiter Klasse? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2017. No. 37. 11 September. S. 23–27.
14. *Deubner Ch.* Differenzierte Integration: Übergangserscheinung oder Strukturmerkmal der künftigen Europäischen Union? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2003. Bd. 1–2.
15. *Deubner Ch.* Frankreich in der Osterweiterung der EU, 1989 bis 1997 // Politische Studien. 1999. Januar/Februar. S. 89–121.
16. Die Freiheit nehm ich dir // Wirtschaftswoche. 2018. 16 Februar. No. 8.
17. Die Italienerin // Wirtschaftswoche. 2019. 19 Juli. No. 30.
18. From cold war to hot war // The Economist. 2015. 14 February. P. 11–14.
19. *Gebauer M., Heyer J.A., Müller P.* Zunehmend gereizt // Der Spiegel. 2018. 16 Juni. No. 25.

20. Germany's troubled relations with the Visegrad states show the limits to its power // *The Economist*. 2018. 16 June.
21. *Guérot U.* Macron en marche: Tauziehen um Europa // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2018. No. 4.
22. *Hacke Ch.* Der Westen und die Ukraine-Krise: Plädoyer für Realismus // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2014. 17 November. No. 47–48. S. 40–47.
23. *Hacke Ch.* Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Berlin: Ullstein, 1977.
24. *Hassel F.* Unser Partner zur Rechten // *Süddeutsche Zeitung*. 2018. 17 September.
25. *Hill S.* Europa an der Spitze? Ein Blick von aussen auf die Zukunft der Europäischen Union // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2017. 11 September. No. 37. S. 48–53.
26. *Jahrbuch für internationale Sicherheitspolitik*. Hamburg; Berlin; Bonn: Mittler, 2000.
27. *Janisch W.* Griff nach der Seifenblase // *Süddeutsche Zeitung*. 2019. 1 August.
28. *Joeres A.* Sie muss nur stillhalten // *Die Zeit*. 2019. 18 Dezember.
29. *Kaiser K., Krause J.* Deutschlands neue Außenpolitik: Interessen und Strategien. München: Oldenbourg Verlag, 1996.
30. *Kolb M.* Pariser Bremsmanöver // *Süddeutsche Zeitung*. 2019. 16 Oktober.
31. *Kornelius St.* Typisch europäisch // *Süddeutsche Zeitung*. 2018. 19 Juni.
32. *Krätke M.R.* Brexit: Raus aus dem "EU-Gefängnis" // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2016. No. 4. S. 17–20.
33. *Krupa M.* Er macht sich zu viele Feinde // *Die Zeit*. 2019. 2 Mai.
34. *Lau J., Heuser U.J.* Helfen Sanktionen gegen Russland? Ja: Wirtschaftlicher Druck ist die einzige Alternative zur Militarisierung der ukrainischen Krise // *Die Zeit*. 2014. 20 März.
35. Merkel warnt vor neuen Gräbern in Europa // *Süddeutsche Zeitung*. 2007. 28 Juni.
36. *Metz J.* Wohlwollende Skepsis // *Das Parlament*. 2017. 26 Juni. No. 26.
37. *Mühlauer A.* Zu klein gedacht // *Süddeutsche Zeitung*. 2019. 15–16 Juni.
38. *Müller-Brandeck-Bocquet G.* Zukunftsdebatten in der EU // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2019. 21 Januar. S. 19–25.
39. *Müller Gómez J., Reiners W., Wessels W.* EU-Politik in Krisenzeiten. Krisenmanagement und Integrationsdynamik in der Europäischen Union // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2017. 11 September. No. 37. S. 11–17.
40. Orban's unwitting ally // *The Economist*. 2018. 7 April.
41. *Pfaff W.* Ukraine – der amerikanische Krieg // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2014. No. 9.
42. *Raether E.* Er macht Europa interessant // *Die Zeit*. 2019. 2 Mai.
43. Rede des französischen Staatspräsidenten Jacques Chirac vor dem Deutschen Bundestag am 27. Juni 2000 "Die Erweiterung darf keine Flucht nach vorne sein" // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2000. No. 8. S. 1017–1021.
44. *Sacco G.* Rückbesinnung auf den Ursprung der europäischen Integration // *Europa-Archiv*. 1991. Folge 15–16. S. 461–469.
45. *Schäfer A.* Verfassung und Wohlfahrtsstaat: Sozialpolitische Dilemmas europäischen Integration // *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2005. No. 4. S. 120–139.
46. *Taghizadegan R.* Im Nebel der Sinnleere // *Wirtschaftswoche*. 2019. 31 Oktober. No. 46.
47. The growing strains between Angela Merkel and Emmanuel Macron // *The Economist*. 2018. 24 May.
48. *Wettach S.* Er stellt nur den Totenschein aus // *Wirtschaftswoche*. 2019. 15 November. No. 48.
49. *Winkler A.* Schluss mit dem Träumen // *Die Zeit*. 2019. 19 Juni.
50. *Winter M.* Ein letzter Versuch // *Süddeutsche Zeitung*. 2007. 20 Juni.
51. *Zimmermann H.* Die gnadenlose Euro-Logik // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2012. No. 1.